

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ТОМ 10 № 3

Москва

2013

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

Акопов Г.В.

Аллахвердов В.М.

Забродин Ю.М.

Караяни А.Г.

Карпов А.В.

Малюфеев Н.Н.

Марьин М.И.

Нечаев Н.Н.

Рубцов В.В.

Реан А.А.

Рыбников В.Ю.

Черноризов А.М.

Шкуратов В.А.

Редакционная коллегия

Абакумова И.В.

Асмолов А.Г.

Бабенко В.В.

Базаров Т.Ю.

Безруких М.М.

Богоявленская Д.Б.

Воробьева Е.В.

Деркач А.А.

Донцов А.А.

Дубровина И.В.

Журавлев А.Л.

Егорова М.С.

Ермаков П.Н. (заместитель главного редактора)

Лабунская В.А.

Леонова А.Б.

Сергиенко Е.А.

Тхостов А.Ш.

Цветкова Л.А.

Берберян А.С. (Армения)

Киттлер У. (Германия)

Менджеричка Ю. (Германия)

Величковский Б.М. (Германия)

Кроник А.А. (США)

Белянин В.П. (Канада)

Бороховский Е. (Канада)

Все члены редакционной коллегии входят в редакционный совет.

Ответственный секретарь – Тельнова О.В.

Редактор английской части – Крутелева Л.Ю.

Выпускающий редактор – Попова Л.В.

Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 518,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05

E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,

г. Москва, 129366

Тел./ факс (495) 283-55-30

E-mail: rpo@psychology.ru

Каталог Роспечати «Газеты, Журналы». Подписной индекс 46723.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ

4

ЮБИЛЕИ

Алексей Александрович Бодалев –
«коммуникативное ядро» психологии общения: послание к юбилею

7

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кривцова С.В. Феноменологический взгляд на духовность в школе

11

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Абакумова И.В., Гришина А.В. Отношение студентов к мигрантам как фактор и показатель этноконфессиональных установок современной молодежи

22

Коваль Е.С., Сидоренков А.В. Социально-психологическая адаптация работников и эффективность малых групп

29

Лабунская В.А., Бзезян А.А. Особенности оценивания различных компонентов этнокультурных типов внешнего облика как проявление дискриминационного отношения

37

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И АКМЕОЛОГИЯ

Щербакова Т.Н., Роцевская Е.В. Коммуникативный ресурс как акмеологическая детерминанта успешности профессионального становления специалистов в области медицины

44

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Гримсолтанова Р.Э. Одержимость как предмет психологического исследования

55

Колтунова Е.А. Особенности диагностики символизации у неслышащих старшеклассников

63

Лунин С.Л. Психологические особенности мужчин, находящихся в ситуации временной трудовой миграции: специфика ЮФО

70

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

78

НАШИ АВТОРЫ

Кривцова Светлана Васильевна

доцент кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук
Служебный адрес: ул. Моховая, 11, стр. 9,
г. Москва, 125009
Служебный тел./факс: +7 (499) 629-59-68
E-mail: svkrivtsova@mail.ru

Абакумова Ирина Владимировна

член-корреспондент Российской академии Образования, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 243-07-11
E-mail: general@psyf.rsu.ru

Гришина Анастасия Васильевна

старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 243-07-11
E-mail: avgrishina@sfedu.ru

Коваль Елена Сергеевна

психолог, главный специалист-эксперт отдела кадров Отделения Пенсионного фонда по Ростовской области
Служебный адрес: ул. Варфоломеева 259, к. 106,
г. Ростов-на-Дону, 344000
Служебный телефон: +7 (863) 290-41-46
E-mail: elenarnd2007@mail.ru

Сидоренков Андрей Владимирович

заведующий кафедрой психологии управления и акмеологии факультета психологии Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 238,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–47

E-mail: sav@micro-cosm.ru

Лабунская Вера Александровна

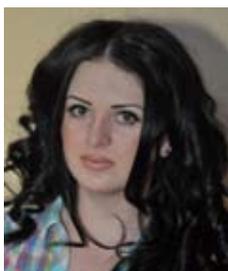
заведующая кафедрой социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 219,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: vlab@aaanet.ru

Бзезян Анастасия Амбарцумовна

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 219,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: nastya_bzezyan@mail.ru

Щербакова Татьяна Николаевна

заведующая кафедрой психологии Ростовского института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, доктор психологических наук, профессор

Служебный адрес: пер. Гвардейский, 2/51,

пер. Доломановский, г. Ростов-на-Дону, 344011

Служебный телефон: +7 (863) 267–56–00

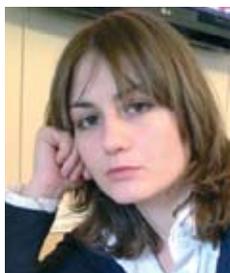
E-mail: tatiananik@list.ru

Рощевская Елена Владимировна

доцент кафедры психолого-педагогических дисциплин
Волгодонского института экономики, управления и права
(филиал Южного федерального университета)

Служебный адрес: ул. Черникова, 6,
г. Волгодонск, Ростовская область, 347340
Служебный телефон: +7 (86392) 3–59–59
E-mail: lena-roshevskaya@yandex.ru

Гримсолтанова Разет Эльбрусовна

старший преподаватель кафедры педагогики и психоло-
гии Чеченского государственного университета

Служебный адрес: ул. Киевская, 33,
г. Грозный, 364037
Служебный телефон: +7 (8712) 29–50–19
E-mail: razet_grims@mail.ru

Колтунова Елена Аркадьевна

учитель-дефектолог Государственного казённого образо-
вательного учреждения Ростовской области «Областной
центр образования незлышащих учащихся» (ГКОУ РО
ОЦОНУ)

Служебный адрес: пер. Ашхабадский, 6,
г. Ростов-на-Дону,
Служебный телефон: +7 (863) 245–33–92
E-mail: 4015821@gmail.com

Лунин Сергей Леонидович

заместитель начальника отдела Управления Федеральной
миграционной службы России по Ростовской области в
Советском районе г. Ростова-на-Дону

Служебный адрес: пр. Коммунистический, 55,
г. Ростов-на-Дону, 344091
Служебный телефон: +7 (863) 219–50–65
E-mail: luninsergey1978@yandex.ru

ЮБИЛЕИ

**Алексей Александрович Бодалев –
«коммуникативное ядро» психологии общения: послание к юбилею**

13 октября 2013 года исполняется 90 лет выдающемуся отечественному психологу, доктору психологических наук, профессору, академику РАО – Алексею Александровичу Бодалеву.

Глубокоуважаемый, дорогой и любимый Алексей Александрович! Ваши ученики, соратники, последователи и коллеги сердечно поздравляют Вас с юбилеем, Вашим девяностолетием. Мы желаем Вам счастья, здоровья, добра, благополучия, многогранных достижений, любимых и любящих учеников, соратников и продолжателей Ваших идей.

Наше юбилейное послание сконцентрировано на той роли, которую сыграл Алексей Александрович в становлении и развитии психологии общения, формировании новых направлений изучения общения. На протяжении всего творческого пути Алексея Александровича проблема общения занимала ведущее положение в ряду других, не менее важных вопросов современной психологической науки. А.А. Бодалев в качестве ученика и преемника идей Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева сформировал основные идеи психологии общения и превратил данное направление в одну из самых признанных, фундаментальных научных школ современной психологии. Достаточно сказать о том, что в непростое для психологической науки время он возродил интерес к психологии общения, возглавив проведение международных конференций, превратив их в постоянные съезды психологов и представителей гуманитарных наук, придал самой проблеме общения междисциплинарный статус: «Психология общения 2000: проблемы и перспективы» (М., 2000); «Психология общения: социокультурный анализ» (Ростов-на-Дону, 2003); «Психология общения 2006: на пути к энциклопедическому знанию» (М., 2006); «Психология общения XXI века: 10 лет развития» (М., 2009); симпозиум «Психология общения», проведенный в рамках V съезда РПО (М., 2012). Организаторская и научная деятельность Алексея Александровича в контексте психологии общения увенчалась созданием энциклопедического словаря по психологии общения (2011, 2013 гг.).

Таким образом, переоценить роль А.А. Бодалева в становлении российской психологии и, прежде всего, психологии общения невозможно. Сложно также перечислить все открытые им и сотнями его учеников феномены и закономерности познания людьми друг друга, взаимоотношений субъектов общения и взаимодействия. Мы остановимся только на некоторых идеях и положениях концепции общения, разработанной А.А. Бодалевым, и оказавших существенное влияние на современные исследования, выполняемые в данной области психологии. Прежде всего, это положение о том, что общение является целостным процессом, системным образованием, имеющим «многоуровневую структуру и только ему присущие характеристики». Взгляд на общение как на целостное, уникальное, неповторимое, наполненное ценностями явление, соответствующее по своей сути диалогу, подготовило развитие ценностно-смыслового или онтологического подхода к общению. Развивая идеи своего учителя Б.Г. Ананьева об оптимуме количественного и качественного общения, А.А. Бодалев подчеркивает важность диалогичного по своей сути общения, единственно способствующего как нормальному развитию ребенка, так и межличностному взаимодействию взрослых. Идеи, «наделяющие» душой и переживаниями процессы установления контактов, взаимопонимания и т. д., ставят в центр общения личность, ее внутренний мир, складывающийся именно в ходе общения и благодаря ему. Эти положения концепции А.А. Бодалева максимально приближают психологию к изучению бытийной сущности общения, рассмотрению диалогических отношений как основы бытия человека. Они возвращают общению его исконный онтологический статус, позволяя объяснять его роль в жизни отдельного человека, группы, общества. В дальнейшем эти идеи позволили сформулировать онтологический взгляд и на манипуляции как антипод диалога. Исходя из концепции А.А. Бодалева, манипуляции возможны тогда, когда по мере своего развития человек в большей мере настраивается на то, чтобы действовать, уделять внимание поведению партнера и в меньшей степени его чувствам. В таких отношениях партнер превращается в объект, «лишенную души вещь», теряет свою человеческую сущность, обесценивается. И если диалог объединяет и создает совместность в самом широком смысле, манипуляция носит односторонний характер. Такое общение не вызывает желания его продолжать и углублять. В этом и есть онтологическая бессмысленность манипуляций.

В известных работах А.А. Бодалева «Личность и общение» (1983), «Психология общения» (1996), «Познание человека человеком» (2005) рассматриваются как конструктивные, так и деструктивные направления развития общения в различных сферах жизнедеятельности человека. Для подхода А.А. Бодалева является характерным акцент на интегральных личностных образованиях, опосредующих результаты общения и в то же время отражающих взаимовлияние личности и общения. А.А. Бодалев большое внимание уделяет нравственности личности, за которой стоят нравственные отношения. Он подчеркивает, что личностные ценностные ориентиры в общении всегда воплощаются в определенных способах обращения с партнером, и считает, что первостепенным условием развития личностных

качеств, необходимых для успешного общения, является формирование у личности направленности, при которой «другие люди стояли бы не на периферии, а в центре складывающейся у него системы ценностей».

Опираясь на теоретико-методологические установки Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясищева и других ученых, А.А. Бодалев вводит в поле изучения проблемы «личность и общение» такое понятие, как «коммуникативное ядро личности». По сути данное понятие фиксирует единство личности и общения, единство, целостность самого общения как явления, включающего процессы отражения, отношения, обращения (поведения). Если следовать теоретическим положениям концепции А.А. Бодалева, раскрывающей взаимодействие личности и общения, то на первый план выходит категория «отношения» как объяснительный принцип, системообразующий фактор «коммуникативного ядра личности», главная психологическая причина возникновения конструктивного и деструктивного общения. Сложившаяся у личности система отношений, по мнению А.А. Бодалева, может по-разному влиять на процесс общения, по-разному его деформировать: от легких сбоев, трений до конфликтного взаимодействия.

Важной для современной психологии общения является идея А.А. Бодалева о представленности «коммуникативного ядра личности» в образах, понятиях, формирующихся в процессе общения, переживаниях и отношениях к себе и другому, тактиках и стратегиях применения вербальных и невербальных средств общения. Иными словами, психологии был открыт путь изучения такого интегрального образования личности, как ее «коммуникативное ядро» посредством рассмотрения различных результатов общения. Исследуя структуру и содержание образов и понятий, изучая систему превалирующих у человека отношений, наблюдая за его речевым и неречевым поведением, мы проникаем в «коммуникативное ядро личности». Опосредованный подход (через различные результаты общения) к изучению «коммуникативного ядра личности» является в современной психологии, ее прикладных областях наиболее востребованным.

Направленность «коммуникативного ядра личности» определяет, по мнению А.А. Бодалева, интегральное качество общения. В терминологии А.А. Бодалева это качество общения названо как оптимальное, успешное, эффективное и трудное, деструктивное, не способствующее развитию гуманных черт личности. Идеи А.А. Бодалева о роли «коммуникативного ядра личности» в разворачивании процессов общения представлены в его концепции «психологические трудности общения и их преодоление» (1991, 1996). Он пишет о том, что необходимо выявлять не только «типичные для всех нормальных людей» феномены общения, закономерности и механизмы его протекания, но и выявлять трудности общения, т. е. те характеристики психических процессов, состояний и свойств личности, которые, объединяясь, не отвечают критериям психологически оптимального общения. В качестве таких образований А.А. Бодалев называет неадекватную оценку партнера и самого себя, непонимание отношений партнера и сложившихся взаимоотношений, использование в общении несоответствующих ему вербальных

и невербальных моделей обращения к другому. В терминологии А.А. Бодалева совокупность названных образований приводит к актуализации феномена «полоса отчуждения», т. е. к одному из результатов постоянно воспроизводимого трудного общения.

Явление «отчуждения», характерное для взаимодействия людей в современном мире, может быть интерпретировано как следствие трений, сбоев, трудностей общения во многих сферах жизнедеятельности человека. А.А. Бодалев не употребляет понятие «тотальные трудности общения», он пишет о том, что для человека может быть трудным общение, как в семье, так и на работе, как с близкими людьми, так и мало знакомыми. Вместе с этим он определяет деформации «коммуникативного ядра личности», которые ведут к «тотальным трудностям общения», «порочному кругу отношений» (В.Н. Мясищев), отчуждению.

Сформулированные А.А. Бодалевым подходы к рассмотрению психологических трудностей общения в рамках созданной им концепции «личность и общение», очерченный им круг факторов и условий возникновения трудностей общения, намеченные им пути преодоления трудностей общения легли в основу создания психологии затрудненного общения и изучения таких явлений, как субъект затрудненного – незатрудненного общения.

Алексей Александрович Бодалев является не только большим ученым, учителем для многих поколений исследователей, не только человеком творчески подходящим к различным проблемам психологии общения, но и личностью, неравнодушно относящейся к негативным общественным явлениям, не способствующим становлению личности как субъекта эффективного диалогического общения. В его работах красной нитью проходит мысль о том, что психология общения должна способствовать позитивным изменениям в обществе и жизни каждого человека. Это возможно, исходя из взглядов А.А. Бодалева, в результате осознания каждым человеком, кем бы он ни был и какую бы должность не занимал, что общение должно быть только равноправным, уникальным и неповторимым, базирующимся на нравственных, диалогических отношениях партнеров.

Заканчивая наше юбилейное послание, мы хотим подчеркнуть, что Алексей Александрович – это не только ученый, который заложил основы формирования онтологического подхода к общению, разработал концепцию «личность и общение», ввел фундаментальное для современной психологии понятие – «коммуникативное ядро личности», но и человек, олицетворяющий ценностно-нравственные компоненты «коммуникативного ядра личности», человек, выступивший в роли «коммуникативного ядра», объединяя усилия многих теоретиков и практиков, направленные на развитие психологии общения.

**В.А. Лабунская
Л.И. Рюшшина**

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кривцова С.В.

Феноменологический взгляд на духовность в школе

В статье ставится задача сопоставления феноменологического содержания понятий «духовность» и «религиозность». Для этого духовные переживания человека описываются с помощью феноменологического метода. Автор выделяет существенное содержание духовности, предельные духовные переживания на основании структурной модели экзистенции австрийского психотерапевта проф. А. Лэнгле. В статье рассматриваются пути к духовности, а также процессуальные закономерности превращения духовности в религиозность. Можно также увидеть некоторые параллели между учением А. Лэнгле и описаниями религиозных переживаний, сделанных русским религиозным философом С.Л. Франком.

Ключевые слова: *духовность, религиозность, спиритуальность, феноменологический метод, воспитание, предельные переживания.*

Где кончается духовное и начинается религиозное чувство? Может ли вообще наука ответить на такие вопросы? У учителей сегодня много подобных вопросов. В этой статье мы попробуем ответить на некоторые из них, опираясь на исследования духовности и религиозности, выполненные в рамках экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии [3, 4]. Автором были обнаружены параллели между исследованиями современного австрийского психотерапевта А. Лэнгле и русского религиозного философа Семена Франка, жившего в первой половине прошлого века, в частности, в работе 1946 г. «С нами Бог» [6]. Мы излагаем феноменологическое исследование проблемы, поскольку она недостаточно рассмотрена именно в аспекте, необходимом школе, чтобы размежевать воспитательные компетенции образования и церкви. Современные тенденции привлечения православных священников в школу, очевидно, связаны с необходимостью защитить духовное начало в человеке, отношениях людей, образовании. Вместе с тем это начинание встречает немалое сопротивление, в частности потому, что школа у нас в стране по-прежнему отделена от государства. Учителя сопротивляются инициативам правительства стратегии защиты духовности таким способом. Среди основных причин, на взгляд автора, на первый план вступают следующие.

Во-первых, сферы влияния учителя и священника пересекаются в области воспитания, а теоретические основания, за которыми может последовать разделение функций, не оговорены. Воспитательный эффект хорошего разговора не обязательно сопряжен со спасением души, для большинства учителей доступ к духовности не сводится к опыту, полученному в церкви. Во-вторых, способ действия священника

в школе так же, как и в церкви – наставление – сегодня никого не убеждает (сидя в одной из школ на докладе о морально-нравственном воспитании молодого батюшки, я услышала комментарий сидящего рядом со мной директора «Я и сам в молодости был инструктором ЦК ВЛКСМ»). Наставление – прием, используемый идеологами самых разных культур и эпох, давным-давно раскритикован самими религиозными мыслителями, начиная с гениального С. Кьеркегора¹. Призывать правильно жить несложно, как сделать так, чтобы собеседнику захотелось попробовать жить по-другому? В-третьих, даже верующие учителя уверены, что вера – очень личное дело, поэтому демонстрировать ее публично не стоит, тем более делать из нее инструмент влияния. По-видимому, это характерно для всех людей, самостоятельно пришедших к вере, выросших в сомнениях и нашедших личный путь, в отличие, возможно, от тех, кто органично перенял веру от родителей и окружающих, как это имело место в дореволюционной России или характерно для других стран, не переживших гонений. Феномен недоверия в отношении активно верующего учителя и со стороны коллег, и со стороны учеников возникает, когда имеет место расхождение между призывами и неумением достойно вести себя в трудных ситуациях, которые в школе закономерно и постоянно возникают.

Как относиться к идее школьного священника о том, что все дети и все учителя должны принадлежать к религиозной конфессии? Что понимается под именем Бога у человека, который ходит в церковь, и у того, кто не ходит?

Духовное и религиозное

Начнем с вопроса, как соотносятся духовное и религиозное? Существует известный подход с позиций церкви, который коротко можно сформулировать так: духовное происходит из религиозного. Такая позиция теоретически обоснована. Согласно церковному учению, духовность – это открытость по отношению к метафизическому: «Вначале было Слово. И слово было Бог». Это означает, что смысл и порядок существовали до человеческого Бытия. Вот цитата из С. Франка: «...если мое сердце мятется и томится, если само его существо состоит в неудовлетворенности, в тяготении к тому, что мы называем целью, высшей ценностью, благом, то это высшее, абсолютное Благо уже как-то скрыто мне дано, как-то дает себя

¹ Кьеркегор активно критикует понятие «воспитание», как оно дано в философии Гегеля. Воспитание, по Гегелю, – это определение пути, на котором индивидуум может достичь ясного исторического самосознания, при этом под самосознанием имеется в виду *понимание всеобщего как истины своего единичного бытия* (то же понимание воспитания мы встречаем у Маркса и, соответственно, в советской педагогике). Кьеркегор говорит о нем как о **воспитании по типу наставления**. В основании наставления и настоящего воспитания лежит одна и та же задача экзистенциального преобразования адресата. Но «если понятие *наставления* получает содержательное наполнение в ориентации на что-то абсолютное (законы общества в марксистско-гегелевской картине бытия или богоотношение и вечное блаженство в христианской религиозности), то понятие воспитание непосредственно фиксирует аспект становления личности, культивирования у другого способности быть собой» [9, с. 160–161]. Подробнее см. [1].

чувствовать – иначе я не мог бы искать его, не мог бы сознавать его отсутствия» [6]. При таком метафизическом способе мышления из Бытия Бога вытекает неосознанная имманентно присущая людям религиозность. Религиозная философия стремится сделать осознанной ту религиозную проблематику, с которой мы постоянно сталкиваемся в своей человеческой жизни и практической деятельности.

В этой же логике строил свои исследования Виктор Франкл, основатель логотерапии и экзистенциального анализа². Для В. Франкла было две особенно важные задачи. Первая – сделать осознанной неосознаваемую религиозность человека. В противоположность З. Фрейду В. Франкл утверждал, что неосознаваемое в человеке связано не только с психическим, но и с духовным. «Связь с трансцендентным – это характеристика экзистенции», – писал он и в этом видел важное отличие экзистенциального анализа от гуманистической психологии. Таким образом, Франкл открывает не только бессознательное, но и трансцендентное в человеке. С этой точки зрения, подлинный разговор с самим собой не является в чистом виде «разговором с самим собой», а включает в себя в качестве третьего участника Бога. Он сформулировал это в блестящей фразе: «Сам того не замечая, человек полагает Бога предпосылкой всего...» («ahnungslos nichts ahnend setzt der Mensch Got voraus»). Бог для Франкла является партнером в самых интимных разговорах человека с собой. В этой темноте внутреннего есть Его присутствие» [4, с. 11]. В. Франкл также пытался описать, как вера соединяется с специфически человеческим: он видел источник имманентно присущей человеку веры в человеческой потребности в любви и изначально присущей тоски по чему-то дальнему, не присутствующему в окружающей реальности. А. Лэнгле, ученик В. Франкла, так описывает это переживание: «Тоска – это чувство, подобное жажде, жадному стремлению к воде, когда хочется пить. В основе нашего бытия лежит тоска, которая до такой степени неутолима, что она не может означать ничего другого, кроме Бога» [там же, с. 12]. Что касается любви – «это то, что дает тому, что любимо, или кто любим, качество Бытия, делает их реальными: "ато ergo est" – я люблю, и значит, (любимое мной) существует». Трансцендентность, по В. Франклу, складывается из тоски и любви, а любовь есть путь к Богу. Любовь указывает на интимность (сферу абсолютно личного). «Трансцендентность и интимность: сущностным моментом для того и другого является присутствие в них Бога – одновременно бесконечная даль и бесконечная близость. Это делает Бога непостижимым, т. к. он одновременно является и самым интимным, и самым всеобъемлющим» [4, с. 12]. Мы видим, что в таком понимании Бога открываются две ипостаси, являющие нечто предельно противоположное: с одной стороны, глубоко интимное, близкое, личное, с другой стороны, беспредельно далекое, необъятное.

² Виктор Франкл (1905–1997), австрийский врач, психотерапевт, основатель логотерапии и экзистенциального анализа. Будучи венским евреем, два с половиной года провел в концлагерях, выжив, написал книгу «Не смотря ни на что сказать жизни "Да"!» о своем опыте пребывания в концлагере. В послевоенные годы стал известен во всем мире благодаря этому труду и своим лекциям в защиту духа и человеческой персональности.

Нужно отметить, что в немецком языке так же, как и в русском, духовное и религиозное разведены понятийно. В немецкоязычной версии «Википедии» значение слова «спиритуальность» раскрывается следующим образом: «*Спиритуальность* (Spiritualität) (от латинского *spiritus* – дух) в широком смысле означает духовность (Geistigkeit) и указывает на духовные (geistige) установки любого рода. В узком смысле слово «спиритуальность» используется для обозначения *духовности в специфически религиозном контексте*, в этом случае используется также слово «Geistlichkeit». В статье из «Википедии», посвященной понятию «Geistlichkeit», читаем: «Geistlichkeit» означает наличие связи с духом (Geist) *в христианском смысле слова*. В повседневной речи существительное «Geistlichkeit» и соответствующее прилагательное «geistlich» используются для обозначения религиозности, набожности или связи с церковью. Кроме того, в христианской теологии эти слова используются для обозначения жизни христиан, находящейся под покровительством Святого Духа (Heilige Geist). Таким образом, в отличие от русского языка, в немецком имеются не два, а три понятия, одно из которых – спиритуальность – означает духовное в самом широком смысле. Понятие Geistigkeit скорее обозначает интеллектуальные, ментальные установки, а понятие Geistlichkeit – собственно религиозные. Эти замечания позволяют лучше понять позицию современного экзистенциального анализа.

Духовность и религиозность с точки зрения современного экзистенциального анализа: грани спиритуальности

Феноменологический взгляд – подход через описание переживаний. «В экзистенциальном анализе мы понимаем спиритуальность (Spiritualität) как переживание, а не как вид веры. Это такое субъективное переживание, когда мы ощущаем, что наше бытие (Dasein) существует в рамках чего-то большего, чего-то Великого, того, что превосходит нас, того, что неподвластно нам, чем мы не можем “распоряжаться”, во что мы просто включены» (фрагмент интервью А. Лэнгле, опубликованный на одном из католических сайтов <http://www.kath-kirche-vorarlberg.at>). В таком подходе речь идет об отказе от всех тезисов, которые имеют метафизическое обоснование. Поскольку экзистенциальный анализ работает феноменологическим методом, в нем предметом научного интереса может стать *все, что человек переживает*. Как феноменолог, я могу исследовать, что мне открывается в опыте, связанном с духовностью. Как это, переживать духовное? Как проявляет себя духовное? Как я могу найти к нему путь, и что со мной делают такого рода опыты? Отвечая на эти вопросы, феноменология постепенно приближается к сути духовного переживания человека.

Духовное – это углубление. Если мы смотрим на реальность феноменологически, мы можем увидеть духовное в собственном опыте ежедневной жизни. Это происходит не обязательно в процессе рассуждений о нравственных поисках героев Толстого. Духовное проживается по дороге домой или «на кухне», т. е. в бытии обыденном. Когда я смог кого-то понять, когда обида уступает место

прощению, когда я просто остановился, глубоко тронутый красотой пейзажа или человеческим горем, – здесь речь идет о духовном. В самом общем смысле духовное – это *углубление*.

Виктор Франкл в своих лекциях любил приводить замечательную метафору. Он рисовал на доске рядом круг и квадрат. И говорил о том, что если человеку говорится: «это есть одно и то же», тогда человек либо пытается за счет искажений увидеть сходство квадрата и круга, «ищет квадратуру круга», либо однажды понимает, что видит просто *две проекции цилиндра*. Прорвавшись в третье измерение, человек обнаруживает, что ничего не надо искажать: две взаимоисключающие правды становятся проекциями одной более глубокой правды [7]. Когда за агрессивным, раздражающим поведением ученика я начинаю видеть его отчаянные попытки защитить свое достоинство, попытки несовершенные, потому что учить этому было некому, тогда меняется мое понимание увиденного. Меняется вместе с ним и мое чувство к этому не сформировавшемуся еще человеку, и тон нашего разговора тогда тоже изменится. Когда я, походя отметив осенний пейзаж за окном, вдруг (с недоумением) чувствую комок в горле, и вдруг осознаю, что умирание природы вызывает во мне глубокую печаль и откликается темой завершения жизни, которая сейчас меня волнует, потому что один за другим уходят близкие мне люди, и за сереньким пейзажем открывается вдруг глубокое понимание преходящести собственной жизни, – это духовное, но это все-таки еще не религиозное переживание. Суть духовного – в том, что человек видит какие-то феномены не в банально-повседневном, а в расширенном контексте, особенно, когда мы имеем дело с тем, **что выходит за пределы нашего понимания**. В каждой попытке открыться этому человек оказывается в диалоге с тем, что пока не может охватить своим умом и своим опытом. Только в открытости такого рода, требующей мужества, происходит понимание. И исчезают признаки когнитивного диссонанса³.

Опыт углубления приводят к тому, что человек все более и более охотно ищет глубину. Ему уже недостаточно поверхностных впечатлений и рассуждений. Им он предпочитает открытую для опыта позицию в тех ситуациях, которые содержат признаки конфликта или граничат с областью, недоступной пониманию. Эта позиция названа в экзистенциальной философии *пробуждением*. Она сводится к попыткам увидеть значение событий собственной жизни, собственной страны, других людей на фоне конечной человеческой жизни и самой жизни, которая будет продолжаться и после тебя, или в любом другом превосходящем тебя контексте. В таком диалоге «возникает связь между моей внутренней глубиной (или чувствованием, думаньем, переживанием, исходящими из подлинно Собственного) и внутренней глубиной Другого, собеседника. В диалоге возникает тесная связь между внутренней глубиной и внешней далью. Таким образом, мы можем сказать, что обнаружение себя в Превосходящем есть характеристика экзистенции» [4, с. 15].

³ Когнитивный диссонанс – термин из когнитивно-бихевиоральной теории мотивации Л. Фестингера: две взаимоисключающие правды выводят человека из спокойного состояния, чтобы восстановить равновесие, он развивает познавательную активность.

Для экзистенциального философа К. Ясперса такими превосходящими отдельного человека событиями были *страдание, вина, смерть, борьба и случайности*. Они являются основными данностями бытия, которых человек не может ни избежать, ни изменить, и поэтому столкновение с ними он называет «пограничными ситуациями» (Jaspers, 1986) [цит. по 3]. Они нужны для того, чтобы радикальным образом потрясти субъекта в его бытии и таким образом **пробудить** для экзистенции (1956) [цит по 3]. Единственное разумное отношение к пограничным ситуациям состоит в том, чтобы не избегать их, а открыто идти им навстречу. Это и есть путь к по-настоящему хорошей жизни, экзистенции: «Познать пограничные ситуации и жить экзистенциально – это одно и то же» (Jaspers, 1956) [цит. по 3]. Итак, в чем обнаруживается духовное?

1. В глубокой личной (интимной) *затронутости*.
2. В попытках увидеть *глубину*, нежелании довольствоваться формальным, поверхностным.
3. В готовности искать осмысленный выход из ситуации, совершать поступок, который бы соотносился с моим собственным представлением о правильном, а не был навязанным или просто привычным способом реагирования, подталкивают к этому опыты пограничных переживаний.

Можно заметить параллели с анализом религиозного чувства у Семена Франка, который в своих исследованиях тоже шел не от анализа религиозных текстов, а в *логике феноменологической*, обращаясь к переживаниям человека. «В основании религиозности лежит не знание и не вера, а переживание», – говорит он. Наблюдение за религиозными чувствами позволяет С. Франку сделать ровно тот же вывод, что и наблюдение ученого-феноменолога: в духовности, достигшей уровня веры, парадоксальным образом сочетается самое близкое (интимная глубина) и самое далекое (то, что невозможно охватить разумом): «Вера есть не что иное, как полнота и актуальность жизненных сил духа – *самосознание, углубленное до восприятия последней глубины и абсолютной основы нашей внутренней жизни – горение сердца силой, которая по своей значительности и ценности с очевидностью воспринимается как нечто высшее и большее, чем я сам*» (*курсив мой* – С.К.) [6].

Духовность – глубокая затронутость непостижимым величием того, что тебя превосходит. Итак, мы узнали, что духовность *парадоксальным образом сочетает в себе глубину внутреннего с внешней далью* (не об этом ли писал И. Кант, когда говорил, что две вещи удивляют его: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас?). Мы также узнали, что путь на глубину труден, во многих религиозных и психологических учениях его считают также путем *человеческой зрелости*. Как многое может понять человек? Когда несоединимые вещи становятся для него непротиворечивыми? Это зависит от степени его зрелости, а она – от опытов понимания, связанных с «пиковыми переживаниями» страдания и борьбы. В мудрой восточной поговорке Учитель, к которому пришли два его ученика, каждый со своей правдой, чтобы он рассудил их, удивив обоих, говорит: «И ты прав, и ты тоже прав. Когда вы поймете это, вы сами станете учителями». Границы понимания

описываются знакомыми вопросами: «Как такое вообще могло случиться?», «Как это может быть?». Для каждого из нас есть немало тем, в которых звучат эти недоуменные вопросы. Однако мы можем заметить, что по сравнению с нашими детьми, возможно, мы уже гораздо больше можем воспринять не как взаимоисключающее, а вполне даже являющее грани, аспекты одного и того же, нужно просто посмотреть на это глубже, но в молодости этот взгляд нам был недоступен.

Можно представить некоторую расходящуюся фигуру, конвергенцию того, что может быть воспринято и понято в непротиворечивом взгляде мудреца. В конце концов, как далеко могут отстоять эти феномены, где последний предел? Экзистенциальная философия «говорит», что максимально отстоящее друг от друга может быть соединено лишь в духовном переживании предельно порядка, религиозная философия называет это переживание Богом, и оно всегда сопряжено с углублением самопонимания: «Душа не есть замкнутый сосуд, она сама имеет бездонную глубину и там, в этой глубине, не только открыта и соприкасается с Богом и даже не только впитывает Его в себя, раскрываясь Ему навстречу – как растение своими корнями впитывает влагу почвы, – но даже живет некой общей жизнью, находится с Ним в таком общении, что Он переливается в нее и она – в Него», – так точно описывает переживание этого последнего предела С. Франк [6].

Духовное, таким образом, предполагает, что я могу обнаружить себя в большем, и почувствовать, что я являюсь частью этого превосходящего меня Великого. Феноменологический подход позволяет определить *духовность как глубокую затронутость непостижимым величием того, что тебя превосходит. Но это не религия, это психология!*

Религия – это мировоззрение, система знаний, сообщающая человеку понимание себя и мира, обещающая спасение души и задающая ритуалы и правила жизни. Следовательно, религия – гораздо больше, чем предельные духовные переживания.

Таким образом, феноменологический подход позволяет дать определение: *духовность – это глубокая затронутость непостижимым величием того, что тебя превосходит.*

Дороги к духовному. Лэнгле выделяет четыре пути к духовному [4].

1. Спонтанный путь. Неожиданный впечатляющий опыт, открытие прекрасного, встреча с ценностью, с человечностью. «Это может сделать нас чуть более счастливыми, но может и испугать, как пугает все то, что нас слишком глубоко трогает и при этом не соответствует ожиданиям или тому, что вписывалось бы в рамки сложившегося образа мира. В таких ситуациях могут возникать переживания Бога или переживания своего предназначения, призвания. Это часто называют просветлением, переживанием чуда» [4, с. 16].

2. Упражнения (феноменология). Духовность может быть пережита и методическим путем. Если понимать духовное как феноменологический опыт, доступ к сущностному в Бытии, тогда феноменологическую установку можно и нужно тренировать с использованием практических упражнений: учиться *отпускать*

(des Lassens) и открываться, давая вещам и событиям беспрепятственно оставить след в своей душе (для этого требуется мужество, т. к. такая открытость сопряжена с риском), учиться *уступать* (Zurückstellen), отдавая себя в распоряжение происходящего, чтобы лучше проникнуть в его сущность (парадоксальным образом все это может себе позволить лишь человек с уже достаточно сильным Я). В понимании, молитве, на концерте классической музыки и в тысяче других мест мы не только слушаем и понимаем происходящее, но глубоко затронуты тем, что оно хочет нам сказать: этот вечер, эта музыка, этот опыт отношений. И понимание уносит нас в некую глубину, соприкасающуюся с бесконечностью.

3. К духовности можно прийти также через **медитацию**. Медитация практикуется во многих религиях. Здесь речь идет об освобождении духа, размышлениях, о том, чтобы успокоить дух, стать «пустым», чтобы мир мог наполнить эту пустоту, – все это упражняется через расслабление, отпускание (Lassen) и позволение (реальности) с собой заговорить.

4. И наконец, **внимательность** (Achtsamkeit) – особая установка, которая, когда она начинает входить в нашу повседневную жизнь, обеспечивает доступ к духовности. Внимательность – это не сфокусированное внимание, здесь мы не концентрируемся, а скорее свободно раскрываемся, и тогда мы начинаем обнаруживать и замечать многие периферийные, на первый взгляд, содержания сознания и по-настоящему осознать их. Психотерапевты называют эту установку «панорамным сознанием». Эта внимательность уже давно играет большую роль в психотерапии, например, ее пытаются вызвать с помощью свободных ассоциаций в психоанализе, «разогрева» в гештальттерапии и других подходах.

Пути к духовному различны. Вот как описывает это другой русский мыслитель, замечательный ученый, писатель Г.С. Померанц: «Путь в глубину – постоянно открытый постоянно вновь начинающийся процесс. Каждый истинный путь – такой процесс: молитва, медитация, созерцание Божьего творчества в природе, любовь к ближнему... И лучше, если несколько путей сплетаются вместе» [5, с. 29].

От духовного к религиозному: четыре экзистенциальных аспекта бытия

Бытие человека подобно острову в море неизведанного, непознаваемого, того, о чем человек мог бы сказать: «Я даже не знаю, что я этого не знаю». Откуда мы пришли, куда мы идем, для чего все это? «Великое море, в котором поселилось» наше бытие, дает слишком мало ответов на все эти вопросы. И хотя мы стоим на обжитой безопасной почве серединной части острова, нам совершенно ясно, кто мы и где мы, стоит только приглядеться повнимательнее, обратить взгляд в сторону береговой линии острова, и эта «ясность» может легко исчезнуть» [4, с. 16].

Если бы мы задались целью рассмотреть *четыре аспекта человеческого бытия в мире*⁴: отношения с миром, дающим ответ на вопрос «Могу ли я быть здесь?»,

⁴ Структура экзистенции в концепции А. Лэнгле представлена четырьмя экзистенциальными мотивациями, описывающими отношения с миром, жизнью, собой и будущим (см. [2, 3, 4, 11, 12]).

отношения с жизнью, задающей вопрос: «Нравится ли мне жизнь?», отношения с собой с вопросом «Имею ли я право быть таким, на что я вообще имею право и чего хочу?», и наконец, отношения с будущим, которые напрямую ставят вопрос «Ради чего имеет смысл действовать?», если обратиться к различным сторонам жизни, мы можем проследить постепенное превращение духовного переживания в собственно религиозное. «Опыт предельных переживаний» в этих четырех аспектах жизни ведет к «пробуждению для экзистенции», подобно тому, как это происходит с переживанием пограничных ситуаций, о которых говорит Ясперс. Кратко перечислим эти переживания, метафорически похожие на *прогулки по береговой полосе* различных сторон нашего острова экзистенции (мы рассмотрим попарно первый и четвертый, а затем второй и третий аспекты экзистенции).

Первый аспект бытия в мире связан с познанием и восприятием данностей бытия, он сопровождается чувством удивления, которое при достаточном опыте страдания и понимания способствует появлению *фундаментального о доверия* к миру. Прикасаясь к основе бытия, человек в самую трудную минуту своей жизни ощущает поразительную вещь: у бытия есть основа, она, несмотря ни на что, все-таки обнаруживается и держит человека, когда рушатся привычные опоры, этот фундамент не дает ему провалиться в Ничто. Старые люди говорят: «Никогда так не было, чтоб никак не было». **Базовое доверие к миру** позволяет жить без страха, но «покупается» ценой большого опыта страдания.

Четвертый аспект близко соприкасается с опытом доверия к миру. Он связан с опытом обнаружения смысла. Он учит человека понимать контексты, в которых он оказался, ориентируясь на содержание ситуации и выполнять работу по обнаружению ее экзистенциального смысла [2, 11]. В пределе эта привычка искать смысл приводит человека к вопросу об онтологическом смысле – к Богу, ибо только творец знает смысл собственного творения. Человеку постичь этот смысл невозможно, но можно прийти к вере в то, что он – превосходящий тебя Порядок – есть. **Обретение веры** – это глубочайшее переживание «**укорененности в бытии, защищенности, обеспеченности и мира**» (это описание мы нашли у С. Франка, но и у А. Лэнгле оно звучит очень похоже).

Второй аспект бытия касается собственно жизни, понимаемой как смена событий и переживаний, дыхание, пульсация, поток, переменчивая и текучая стороны бытия. «Я живу – но нравится ли мне жить? Хорошо ли это – быть здесь? Не только нагрузки и страдания отнимают у нас радость существования. Нередко из-за рутины будней, невнимательного отношения к тому, как ты живешь, все вдруг становится скудным и пресным. Для того, чтобы нам нравилось жить, вновь нужны три предпосылки: *близость, время и отношения*. Могу ли я устанавливать и поддерживать близость со всем, что меня окружает, – вещами, растениями, животными, людьми? Могу ли позволить другому человеку эмоционально приблизиться ко мне? Чему я уделяю время? Выделять время для кого-либо или чего-либо означает отдавать этому часть своей жизни. Есть ли у меня отношения, на которые я не жалею времени и находясь в которых чувствую близость? Если у меня отсутствуют близость, время

и отношения, то возникает тоска, затем холодность, наконец, депрессия. Если же все это есть, я ощущаю движение вместе с миром и собой, в котором ощущается глубина жизни. Опыт такого рода образует *фундаментальную ценность моего бытия в мире*, глубочайшее чувство *ценности жизни*» [3, с. 137]. И предельное переживание этого аспекта бытия – **благодарность за жизнь** и все хорошее, что она подарила. Пусть даже что-то уже утеряно, но оно продолжает жить в памяти сердца до моего последнего часа.

И наконец, *третий* аспект – бытие собой или Personsein – персональность человека. Не сам человек задумал и привел себя в этот мир. Здесь он дан себе и отвечает за себя, свою персональную глубину, сущностное, свою единичность, единственность. Кто я? В повседневной жизни путь на глубину начинается с готовности не бросать себя, не уходить в выученное, компульсивное, конформное, а оставаться *внутренне присутствующим*, т. е. свободным. Такие опыты ведут к переживанию **достоинства Person и благоговения перед персональностью Другого**.

Так, **фундаментальное доверие к миру, благодарность к жизни, вера в превосходящий тебя порядок и благоговения перед персональностью человека** создают горизонт духовного переживания.

Вывод

Школа, построенная на диалоге и уважении, дающая детям опыт самоотдачи и опыт переживания смысла, останется одним из самых мощных проводников духовности [1, 8]. А общество, построенное на уважении достоинства его граждан – это общество культурных людей. Мы можем сказать, что, в конечном счете, воспитание ребенка так же, как исцеление в психотерапии, происходит из духовного. Г.С. Померанц: «Когда я глубоко живу, я вижу общую почву, из которой растут все высокие религии, все религии, обращенные к целостной вечности. Я не боюсь брать из нескольких традиций сразу. Я принимаю помощь отовсюду, где нахожу ее. Я не участвую в споре, какая традиция лучше. И что выше: религия в рамках догмы, свободное от догм искусство, созерцание природы, любовь... Все может быть путем. И все пути в глубину сходятся» [5, с. 28].

Литература

1. Кривцова С.В. Слушать и слышать // Жизненные навыки. Групповые психологические занятия в 5–6 классах. – М.: Генезис, 2011.
2. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 1. – С. 5–23.
3. Лэнгле А. Психотерапия: научный метод или духовная практика // Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М.: Генезис, 2005.
4. Лэнгле А. Дух и экзистенция: о духовном начале, имманентно присущем экзистенциальному анализу // Экзистенциальный анализ. – 2011. – № 3. – С. 11–23.
5. Померанц Г.С., Миркина З.А. В тени вавилонской башни. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

6. Франк С.Л. С нами Бог // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 253–254.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
8. Щербакова Т.Н., Малкарова Р.Х. Коммуникативный фактор как акмеологический фактор профессионального развития педагога // Российский психологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 40–45.
9. Щитцова Т.В. Momento nasci: Сообщество и генеративный опыт. Штудии по экзистенциальной антропологии. – Вильнюс: ЕГУ, Москва: ООО «Вариант», 2006.
10. Längle A. Sinnvoll leben. Angewandte Existenzanalyse. Freiburg: Herder-TB 2002.
11. Längle A. Erfüllte Existenz – Entwicklung, Anwendung und Konzepte der Existenzanalyse. Facultas WUV, Wien, 2011.
12. Walch G.M. ZEN-Meditation als Weg ganzheitlicher // Spiritualität Existenzanalyse, 2, 2011, S. 82–85.

Абакумова И.В., Гришина А.В.

Отношение студентов к мигрантам как фактор и показатель этноконфессиональных установок современной молодежи

В первой части статьи раскрывается понятие социальной установки и социального стереотипа, которые описываются в контексте межэтнических отношений. В работе сделан акцент на роль средств массовой информации в формировании мировоззрения современной молодежи. Во второй части статьи описывается исследование социальной дистанции и этноконфессиональных стереотипов, проведенное авторами статьи. Далее приводятся основные результаты и выводы исследования.

Ключевые слова: социальная установка, социальный стереотип, этноконфессиональные установки, социальная дистанция.

Установки массового сознания и социальные стереотипы насколько полно вошли в жизнь современного человека, что зачастую сложно определить, что именно руководит нашим поведением в конкретной социальной ситуации – субъективное мнение, объективные знания или навязанные извне установки и стереотипы.

Понятие «установка» (англ. – attitude) было введено в российскую психологическую науку представителем грузинской психологической школы Д.Н. Узнадзе. Под установкой он понимал «предшествующую любым психическим или поведенческим актам человека готовность совершать их адекватно данной ситуации». Большинство установок человек получает из субъективного опыта и культуры, а в современном обществе социальные установки в готовом виде транслируются в СМИ, позволяя человеку не формировать собственное отношение к различным объектам, процессам и явлениям и тем самым значительно упрощая взаимодействие в социуме, представители которого обладают одинаковыми установками массового сознания.

Выделяют следующие основные функции установки: когнитивную, аффективную, оценочную и поведенческую. Разграничить перечисленные функции можно на примере «парадокса Лапьера». В 1934 г. американский психолог Р. Лапьер объехал значительное число небольших американских городков в сопровождении двух студентов-китайцев. Они останавливались в гостиницах, посещали рестораны и кафе и, за исключением одного случая, были приняты вполне нормально. После завершения путешествия Лапьер разослал владельцам этих гостиниц и ресторанов письма с вопросом, готовы ли они принять его с группой друзей, в числе которых будут китайцы. 93 % ответили отказом. Данные Лапьера были

позже подтверждены другими исследователями. На этом примере видно, что оценочная установка по отношению к представителям конкретной этнической группы в ситуации, требующей поведенческой реакции, была вытеснена поведенческими установками хозяина гостиницы или ресторана по отношению к клиенту [5]. Таким образом, с одной стороны, реальная социальная дистанция между субъектами взаимодействия в данном случае вступает в конфликт с оценочными этническими установками одного из субъектов, при этом установка оказывается более устойчивой, чем субъективный прошлый опыт взаимодействия с представителем другой этнической группы. С другой стороны, в момент реального, а не опосредованного взаимодействия представителей различных национальных групп этноконфессиональные установки могут подвергаться изменениям и даже меняться на абсолютно противоположные.

Социальные установки не постоянны и могут трансформироваться под влиянием внешних и внутренних факторов. Так, этноконфессиональные установки трансформируются чаще всего под действием субъективного опыта взаимодействия субъекта с представителем другой этнической группы или под влиянием СМИ. В когнитивистском подходе изменение социальных установок трактуется в рамках «теорий соответствия» (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, П. Танненбаум, Г.М. Андреева). Это означает, что изменение установки всякий раз происходит в том случае, когда в когнитивной структуре индивида возникает несоответствие, например, сталкивается негативная установка на какой-либо объект и позитивная установка на лицо, дающее этому объекту позитивную характеристику. Несоответствия могут возникать и по другим различным причинам. Важно, что стимулом для изменения установки является потребность индивида в восстановлении когнитивного соответствия, т. е. упорядоченного, однозначного восприятия внешнего мира [5]. Например, если референтный для большинства потребителей СМИ общественный деятель или политик аргументированно выскажет свое мнение о том, насколько Россия нуждается в трудовых мигрантах, то этноконфессиональные установки зрителей могут трансформироваться.

Понятие социальной установки тесно граничит с понятием социального стереотипа, понимаемого как упрощенный, схематичный образ социального объекта (например, образ социальной группы), широко распространенный в определенной большой социальной группе, который характеризуется высокой степенью согласованности индивидуальных представлений в группе и эмоциональной окраской.

Н.Н. Богомолова выделяет определенные характеристики социальных стереотипов больших социальных групп:

- схематичность и упрощенность образа социального объекта;
- широкая распространенность определенных стереотипных представлений в группе, обычно на уровне 60–80 %;
- эмоционально-оценочный характер стереотипных представлений;

- стабильность и устойчивость стереотипов, их ригидность к новой информации об объекте;
- неточность стереотипных представлений [2].

Исследователи социальных стереотипов сходятся во мнении об их полезных социально-психологических функциях, считая, что наличие стереотипов позволяет систематизировать и упрощать то обилие сложной информации, которую человек получает из окружающей среды, а также защищает и сохраняет ценностно-смысловую сферу личности.

Н.Н. Богомолова отмечает также еще одну функцию социальной стереотипизации – межгрупповую дифференциацию в процессе межгруппового восприятия. Такое оценочное сравнение социальных групп (своей и чужой) может принимать различные формы: противопоставление, что предполагает максимальное предпочтение своей группы и по меньшей мере предвзятость в отношении к другим группам, или сопоставление, которое Поршнев определял как «форму миролюбивой тождественности». Именно от характера отношений между социальными группами зависит содержание социальных стереотипов и их направленность [2].

Наиболее распространенной формой социальных стереотипов являются этнические стереотипы. Первые психологические работы в области изучения этнических стереотипов были опубликованы в середине 30-х гг. XX в. О. Клайнбергом и Дж. Долларом в рамках их «гипотезы фрустрации и агрессии». Однако наибольшее влияние на понимание этнических стереотипов оказали работы Т. Адорно «Авторитарная личность» и «О природе предрассудка», где было показано, что индивиды одной и той же этнической группы имеют значительные различия по степени подверженности этнической стереотипизации. Т. Адорно описал тип личности, наиболее склонной к усвоению и распространению этнических предрассудков, и назвал его «авторитарная личность». Для авторитарной личности, согласно мнению Адорно, характерны ригидность мышления, конформизм в принятии ценностей, нетерпимость к любым проявлениям слабости и эмпатии, склонность к репрессиям, выраженная подозрительность, преклонение перед авторитетом [2].

Т. Петтигрю полагал, что в основе формирования социальных стереотипов в целом и этнических стереотипов, в частности, лежит конформизм как безусловное подчинение сложившимся общественным нормам.

В отечественной психологии проблема этнических стереотипов разрабатывалась И.С. Коном, Б.А. Душковым, В.П. Левковичем, Н.Г. Панковой, А.Г. Асмоловым, Е.И. Шлягиной, В.Ф. Петренко, Г.У. Солдатовой. В рамках психосемантического подхода В.Ф. Петренко проводились исследования этнических авто- и гетеростереотипов российских студентов, восприятия и отношения различных социальных групп российских граждан к зарубежным странам и различным национальностям, показавшие, что при восприятии молодежной аудиторией типичных представителей различных национальностей (включая свою) преобладает психологический механизм групповой дифференциации в форме не противопоставления, а сопоставления групп, что ведет к созданию взаимодополняющих образов. При этом

ни одно из качеств не только не повторяется, но все они принадлежат к разным биполярным оппозициям.

В условиях современного информационного общества процесс взаимного восприятия больших социальных групп выходит на новый уровень, т. к. одним из главных посредников в контактах между группами теперь выступают СМИ. Причем для некоторых социальных групп, например, молодежи, в силу несформированности у молодого поколения механизмов противодействия влиянию СМИ, с одной стороны, и отсутствия субъективного опыта взаимодействия с представителями других социальных групп, с другой стороны, СМИ транслируют установки и стереотипы массового сознания, особенно этноконфессиональные, в готовом виде [4].

Для выявления особенностей образа трудовых мигрантов в российских СМИ с целью последующего изучения особенностей восприятия этого образа студентами различной профессиональной направленности нами был проведен анализ различных программ ТВ и радио, публикаций в прессе и Интернете в отношении трудовых мигрантов, вышедших в период с марта 2009 по март 2012 гг. Было показано, что в российских СМИ изображение национальных меньшинств находится на стадии высмеивания, когда доминирующая социальная группа возвеличивает свой образ за счет принижения меньшинств. Термины «гастарбайтеры» и «не-легалы» употребляются во всех видах СМИ с выраженным негативным оттенком значительно чаще, чем остальные словосочетания, создавая у аудитории стойкое негативное отношение ко всем мигрантам, вне зависимости от их реальной профессиональной принадлежности, уровня квалификации и т. д. Для мигрантов создаются образы, подчеркивающие их некомпетентность, невежественность, отсутствие какого-либо образования и абсолютную дезинтеграцию в принимающее общество. При этом негативно окрашенная информация о мигрантах зачастую связывается в СМИ с определенными этническими группами, в результате чего у аудитории формируются этнические стереотипы и предубеждения.

С целью выявления отношения респондентов к транслируемым в СМИ образам трудовых мигрантов и, главное, определения той социальной дистанции, на которую респондент допускает образ и, соответственно, самих мигрантов, нами была модифицирована «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса. Понятие социальной дистанции было введено социологом Г. Зиммелем как показатель положения социальных групп и индивидов в социальном пространстве, их соотношение, т. е. уровень их близости или отдаленности, отчужденности друг от друга, степень их взаимосвязанности.

Экспериментальной базой исследования выступали государственные вузы г. Ростова-на-Дону: ФГОУ ВПО «Южный Федеральный университет» и ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения». Всего в исследовании приняли участие 200 человек, из них 147 женщин и 53 мужчины. Процедура исследования проводилась методом горизонтального среза и носила характер групповой и индивидуальной работы. Всем участникам исследования предлагалось заполнить единообразные бланки тестирования и опроса.

Испытуемым предлагалось оценить 11 кадров-картинок, взятых из СМИ, и отметить те дистанции, на которые они бы охотно допустили членов данной группы (от «Тесное родство, брак» до «Не должны пускаться в мою страну») (рис. 1).

Рис. 1. Стимульный материал к методике «Шкала социальной дистанции» (в модификации И.В. Абакумовой, А.В. Гришиной)

В результате проведенного по этой методике исследования была определена социальная дистанция респондентов не столько с различными этническими группами, сколько с образами этих групп, которые транслируются в СМИ при освещении проблем трудовой миграции.

Образы спортсменов и тренеров, изображенные на картинках 9 и 11, во всех группах испытуемых были поставлены на наименьшую социальную дистанцию, предполагающую тесное родство посредством брака или дружбу. Образы преподавателей, научных работников, гувернанток, изображенные на картинках 3, 4, 5, были поставлены на среднюю социальную дистанцию, предполагающую принадлежность к моей профессиональной группе или соседство. Наибольшая социальная дистанция во всех группах была выявлена с образами, изображенными на картинках 6 и 7. Дистанция с образом неработающих трудовых мигрантов из Ближнего зарубежья (картинка 6) является максимально возможной, и респонденты из всех профессиональных групп считают, что такие трудовые мигранты не должны пускаться в РФ.

В группе экономистов была выявлена наименьшая социальная дистанция со всеми образами (исключая картинку 6), что говорит о большей лояльности и толерантности студентов-экономистов к трудовым мигрантам. В группе юристов,

наоборот, была выявлена наибольшая социальная дистанция со всеми образами, что указывает на негативное в целом отношение студентов-юристов к трудовым мигрантам.

Для более полного представления об образе трудовых мигрантов и общего отношения испытуемых к трудовой миграции им были предложены единообразные анкеты. Все студенты принимали участие в исследовании по собственному желанию. Прохождение всех этапов исследования занимало примерно 2 академических часа. Математическая обработка данных включала стандартные методы математической статистики.

Первая анкета содержала вопросы об отношении студентов к трудовой миграции как к социальному явлению. Можно выделить следующие значимые результаты:

- трудовые мигранты России не нужны;
- трудовые мигранты «забирают» у местного населения рабочие места;
- зарплата трудовых мигрантов и представителей местного населения, занимающих одну и ту же должность, должна быть одинаковой;
- работодатели приглашают трудовых мигрантов как «дешевую рабочую силу»;
- по мнению студентов-физиков, РФ нуждается в квалифицированных специалистах.

Вторая анкета была направлена на изучение отношения студентов к роли СМИ в формировании образа трудовых мигрантов и дала следующие результаты:

- СМИ изображают трудовых мигрантов негативно;
- наиболее популярным образом трудового мигранта из СМИ являются персонажи программы «Наша Russia»;
- отношение к мигрантам не сформированно СМИ;
- наибольшее воздействие на формирование образа трудового мигранта оказывает телевидение;
- обсуждение трудовой миграции в СМИ приводит к развитию интолерантности, с одной стороны, и к привлечению внимания и интереса – с другой;
- наиболее употребимыми терминами при обсуждении трудовой миграции являются «нелегал» и «гастарбайтер».

Проведенное исследование позволяет нам сделать ряд выводов. Под влиянием стереотипов, транслируемых в СМИ, в молодежной среде формируются устойчивые образы, которые порождают трансформации установок негативного ожидания в отношении к различным социальным группам. Для мигрантов создаются образы, подчеркивающие их некомпетентность, невежественность, отсутствие какого-либо образования и абсолютную дезинтеграцию в принимающее общество. При этом негативно окрашенная информация о мигрантах зачастую связывается в СМИ с определенными этническими группами, в результате чего у аудитории формируются этнические стереотипы и этноконфессиональные установки. Образ трудового мигранта в восприятии студентов значительно деформирован. Вне зависимости от профессиональной направленности испытуемых во всех группах выявлено, с одной стороны, устойчивое неприятие трудовых мигрантов

определенной категории (рабочих специальностей), а с другой стороны, безусловное принятие других категорий мигрантов, которых до начала исследования испытуемые не причисляли к категории «трудовые мигранты», хотя они таковыми являются (квалифицированных специалистов в разных областях). Такая тенденция становится социально-психологическим риском [1]. Необходим особый подход к отбору и трансляции этнически окрашенной информации в СМИ с целью развития толерантности и профилактики таких негативных социальных феноменов, как мигрантофобия и ксенофобия.

Кроме того, необходимо организовать в вузах направленную работу со студентами (как представителями принимающего населения, так и студентами-мигрантами) с целью формирования и развития взаимно толерантных установок, что является важным компонентом системы распространения антитеррористической идеологии и развития антиэкстремистских ценностей у молодого поколения.

Литература

1. Абакумова И.В., Гришина А.В. Образ мигранта в отечественных СМИ: особенности ценностно-смыслового восприятия в молодежной среде // Российский психологический журнал. – 2011. – Т. 8. – № 1. – С. 9–19.
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2008.
3. Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы / пер. с нем. – Х.: Гуманитарный центр, 2007.
4. Гришина А.В. Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодежной среде // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 62–66.
5. Евгеньева Т.В. Установки и стереотипы массового сознания. – URL: www.elitarium.ru (дата посещения 01.08.2013).
6. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – М.: Олма-Пресс, 2002.
7. Aleksieva M. The sociocultural role of media and school in transferring information and forming values // Education Sciences and Psychology. – 2012. – no. 1. – P. 38–45.
8. Domke D. Racial cues and political ideology. An examination of associative priming // Communication Research. – 2001. – Vol. 28. – no. 6. – P. 772–801.
9. Gilliam F.D., Valentino N.A., Beckmann M.N. Where you live and what you watch: the impact of racial proximity and local television news on attitudes about race and crime // Political Research Quarterly. – 2002. – Vol. 55. – no 4. – P. 755–780.
10. Mahtani M. Representing minorities: canadian media and minority identities// Canadian Ethnic Studies. 2001. T.33. C. 99–133

Коваль Е.С., Сидоренков А.В.

Социально-психологическая адаптация работников и эффективность малых групп

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации», № 13-06-00267.

В статье представлены результаты исследования адаптации работников в малой группе и неформальных подгруппах, а также связи адаптации с воспринимаемой работниками социально-психологической и предметно-деятельностной эффективностью группы и подгрупп. Обследовано 239 работников в 27 структурных подразделениях с разным профилем деятельности. Установлено, что работники, включенные в неформальные подгруппы, имеют более высокую адаптацию в своих подгруппах, чем в группе в целом. На уровне группы адаптация имеет более сильную положительную корреляцию с показателями социально-психологической эффективности, чем с показателями предметно-деятельностной эффективности. Связь между адаптацией и показателями социально-психологической эффективности выше на уровне малой группы, чем неформальной подгруппы.

Ключевые слова: *малая группа, неформальная подгруппа, социально-психологическая адаптация, социально-психологическая эффективность, предметно-деятельностная эффективность.*

Одним из факторов, определяющих эффективность первичного структурного подразделения (малой группы) в организации, считается активизация потенциала работников, которая зависит от их адаптации в группе и организации. Социально-психологическая адаптация работников на производстве связана с их включением в систему взаимоотношений коллектива, освоением его целей, норм и ценностей, социальных ролей и статусов [3, 4]. Существует много работ, посвященных исследованию как социально-психологической адаптации работников, так и эффективности производственных групп. Количество исследований проблемы адаптации за последние 15 лет значительно возросло, и специалисты чаще обращают внимание на адаптацию в ракурсе взаимоотношения личности с группой. При этом ученые выбирают разные направления исследований в этой области, изучая психофизиологические, медико-психологические, социологические, экономические, культурные и непосредственно социально-психологические аспекты адаптации [2, 6, 9].

Исследование групповой эффективности в настоящее время фокусируется на создании ее концептуальных моделей, а также на исследовании ее внешних и внутренних факторов. Понятие эффективности группы в современной психологической литературе связывают не только с ее результативностью, продуктивностью, но и с социально-психологическими показателями жизнедеятельности конкретной группы: уровнем ее развития, мотивацией, групповыми ценностями и нормами, сплоченностью, доверием и т. п. [12]. Социально-психологическая составляющая

эффективности группы предполагает анализ удовлетворенности членов группы процессом труда, его результатами и последствиями.

Интерес представляет проблема взаимосвязи адаптации персонала и эффективности группы в организации. В частности, за рубежом введено понятие «адаптивная производительность» (*adaptive performance*), которое отражает способность работника к максимально эффективной работе даже при непредвиденных обстоятельствах в виде постановки сверхновых для него задач. Например, низкий уровень восприятия работниками эффективности организационной политики может приводить к срыву поставленных руководителем целей и задач. Адаптивная производительность, по мнению специалистов, является важным аспектом эффективности и производительности труда [13, 14, 15, 16]. Российских ученых чаще интересует вопрос иного порядка. А именно: успешность адаптации и ее детерминант [2, 6, 8, 9]. Одна из ключевых идей заключается в том, что успешность социально-психологической адаптации во многом зависит от того, насколько адекватно человек воспринимает свою социальную позицию, свои качества и социальные связи.

Социально-психологическая адаптация индивида и эффективность в малых группах традиционно рассматриваются в общегрупповом контексте. Однако на наш взгляд, проявление рассматриваемых феноменов может иметь более сложную картину, что обусловлено наличием в группе социально-психологической структуры – неформальных подгрупп и не включенных в них членов, отношений между ними. Поэтому анализ особенностей социально-психологической адаптации индивидов и групповой эффективности, а также связи между ними с учетом структуры группы позволит задать новые векторы в исследовании данной проблемы [10].

В данном исследовании мы будем понимать социально-психологическую адаптацию как процесс и результат взаимной активности индивида и группы, связанный с усвоением индивидом цели и задач, норм и ценностей группы, определением места в системе отношений в соответствии с взаимными интересами и возможностями [10]. Также мы будем основываться на многомерной модели эффективности, которая включает два вида (социально-психологическая и предметно-деятельностная эффективность) и два аспекта (потенциальная и реальная эффективность) [12]. В частности, реальная социально-психологическая эффективность – это достижение группой заданного уровня построения социальной активности. Эта эффективность состоит из трех компонентов: удовлетворенность членов группой и результатами ее деятельности, психологический комфорт членов в группе, содействие группы личностному и профессиональному развитию своих членов. Реальная предметно-деятельностная эффективность – достижение группой заданного уровня выполнения целевой функции или конкретных задач. Такая эффективность может иметь два типа показателей: объективные показатели деятельности (количество произведенной работы, качество выполненной работы, соотношение результата и затрат деятельности) и субъективные показатели по экспертным оценкам (мера выполнения плана, решения задач или реализации проекта, успешность деятельности в трудных условиях и др.).

Цель исследования – изучить связь между социально-психологической адаптации работников в группе и воспринимаемой ими эффективности группы. *Объект исследования* – индивиды в малых производственных группах, а *предмет* – социально-психологическая адаптация и эффективность.

Исследуемые переменные: а) социально-психологическая адаптация индивида (СПА); б) показатели социально-психологической эффективности (СПЭ): удовлетворенность членов группой и результатами ее деятельности по достижению основных задач (У), психологический комфорт членов в группе (К), содействие группы личностному и профессиональному развитию своих членов (Р); в) показатели предметно-деятельностной эффективности (ПДЭ): выполнение плана и решение текущих задач (ПЗ), деятельность в трудных условиях (ТУ) [12].

Исследовательские гипотезы:

- 1) члены неформальных подгрупп имеют более высокую социально-психологическую адаптацию внутри подгрупп, чем в малой группе;
- 2) существует положительная связь между социально-психологической адаптацией работников в малой группе и неформальных подгруппах и воспринимаемой ими эффективностью группы и подгрупп;
- 3) на социально-психологическую адаптацию работников оказывают влияние, как отдельные показатели групповой эффективности, так и сочетание этих показателей.

Методика

Участники исследования. Было обследовано 239 работников в 27 первичных структурных подразделениях (малых группах) в организациях с разным профилем деятельности: продажа и оказание услуг в автотранспортной сфере, банковские услуги, государственные и социальные услуги, проектирование и производство продукции. Численный состав групп варьировался от 6 до 20 человек, а в среднем – 9.

Методический инструментарий. Для определения неформальных подгрупп в группах использовалась формализованный метод, разработанный А.С. Горбатенко [1]. Для исследования указанных выше переменных были использованы следующие авторские методики: «Методика изучения социально-психологической адаптации индивида в группе и подгруппе» (МСПА), «Методика изучения социально-психологической эффективности группы и подгрупп» (МСПЭ) и «Методика изучения предметно-деятельностной эффективности группы и подгрупп» (МПДЭ) [5].

МСПА включает 14 пунктов в виде утверждений с обратной формулировкой (например, «Мне кажется, что другие недооценивают мои способности»). МСПЭ содержит 6 пунктов в виде утверждений с обратной формулировкой по два на каждую субшкалу: «удовлетворенность членов группой/подгруппой и результатами ее деятельности» (У), «психологический комфорт членов в группе/подгруппе» (К), «содействие группы/подгруппы личностному и профессиональному развитию своих членов» (Р) (например, «Я не испытываю чувство удовлетворенности от

того, что происходит в группе»). МПДЭ разработана на основе двух субъективных критериев и включает две соответствующие им субшкалы: «выполнение плана и решение текущих задач» (ПЗ) и «деятельность в трудных условиях» (ТУ). Методика включает шесть пунктов с обратной формулировкой по три на каждую субшкалу (например, «Группа не умеет оперативно решать новые задачи или сложные проблемы»).

Эти методики состоят из двух частей: «В группе в целом» или «Группа в целом» (часть 1) и «Среди тех, с кем поддерживаю тесные отношения» или «Общность тех, с кем поддерживаю тесные отношения» (часть 2). Первая часть предназначена для изучения адаптации работников в группе и эффективности группы, а вторая – для адаптации в неформальной подгруппе и эффективности подгрупп. Оценка испытуемыми выраженности признака, отображенного в каждом пункте, осуществляется на основе 7-ми балльной шкалы. Значения тестовых баллов МСПА могут варьироваться от 14 до 98, по субшкалам МСПЭ – от 2 до 14, по субшкалам МПДЭ – от 3 до 21. Все методики прошли процедуру стандартизации, оценку содержательной и очевидной валидности, надежности-согласованности и ретестовой надежности. Установлено, что опросники обладают валидностью и надежностью. В частности, значения альфа Кронбаха по первой части опросников были: МСПА – .853, МСПЭ – .856 (У), .827 (К) и .894 (Р), МПДЭ – .851 (ПЗ) и .927 (ТУ).

Методики включены в компьютерную технологию «Групповой потенциал» [11]. С помощью этой технологии проводилось обследование испытуемых в индивидуальной форме на компьютере и затем осуществлялась обработка данных. Технология имеет ряд функциональных возможностей: текущий контроль и блокирование работы испытуемого в случае пропуска заданий или явного искажения ответов, автоматический расчет тестовых результатов и др. Благодаря этому возрастает достоверность результатов по сравнению с бланковой формой исследования и «ручной» обработкой результатов. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 21.0. Рассчитывались средние значения и W -критерий Вилкоксона, использовались корреляционный анализ Пирсона и линейный регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение

1. Социально-психологическая адаптация индивидов в малой группе и неформальных подгруппах. Для проверки первой гипотезы анализ результатов проводился с помощью расчета среднего значения и W -критерия.

Установлено, что среднее значение СПА индивидов в малой группе составляет 53.1, а в неформальной подгруппе – 81.4. Различие между адаптацией в группе и подгруппах является статистически значимым ($Z = -9.25$, $p = .000$). Следовательно, работники имеют более высокий уровень адаптации внутри неформальной подгруппы (если принадлежат к той или иной подгруппе), чем в группе в целом. Это обусловлено рядом характеристик неформальной подгруппы: в подгруппе люди имеют более высокую взаимосвязь и объединены на основе более значимых и общих

для них признаков, чем в группе в целом; в относительно устойчивой подгруппе сильнее выражены, по сравнению с группой, интегративные феномены (например, сплоченность, доверие, идентичность); подгруппа в большей мере, чем группа, способна реализовывать функции по отношению к своим членам (информировать, содействовать в реализации индивидуальных целей и удовлетворении социальных потребностей, обеспечивать безопасность в группе, помогать ориентироваться в групповой среде) [10]. Полученные данные также позволяют предположить, что адаптация членов (включенных в подгруппы) в малой группе опосредована их адаптацией в своей неформальной подгруппе.

2. *Связь социально-психологической адаптации индивидов и воспринимаемой ими групповой эффективности.* Для проверки второй гипотезы проведен корреляционный анализ между СПА, с одной стороны, и СПЭ (У, К, Р) и ПДЭ (ПЗ и ТУ), с другой (табл. 1). Причем связь между СПА и СПЭ изучалась отдельно на уровне группы и на уровне неформальной подгруппы, а между СПА и ПДЭ – только на уровне группы.

Таблица 1

Корреляция между адаптацией индивидов и групповой эффективностью

Социально-психологическая адаптация	Групповая эффективность				
	СПЭ			ПДЭ	
	У	К	Р	ПЗ	ТУ
СПА-Г/СПА-П	.61**/.35**	.78**/.35**	.74**/.48**	.13*/-	.23*/-

Примечание: 1) СПА-Г – социально-психологическая адаптация индивида в группе, а СПА-П – в неформальной подгруппе; 2) цифра перед чертой – значение корреляции на уровне группы, а за чертой – на уровне неформальной подгруппы; 3) * – значимый коэффициент корреляции при $p < .05$, ** – при $p < .01$.

Результаты показывают некоторые особенности связи между адаптацией индивидов и групповой эффективностью. Во-первых, на уровне группы установлена высокая положительная связь между СПА и показателями (У, К, Р) СПЭ, тогда как связь между СПА и показателями (ПЗ и ТУ) ПДЭ фактически отсутствует. Это значит, что чем выше адаптация индивидов в группе, тем более позитивно они воспринимают социально-психологическую эффективность группы. Наоборот, чем ниже адаптация, тем менее позитивно индивиды оценивают СПЭ. В свою очередь, можно предположить, что именно СПЭ, а не ПДЭ, является основой для адаптации работников в группе. Высокая СПЭ будет способствовать более успешной и высокой адаптации индивидов в группе. Во-вторых, связь между СПА и СПЭ на уровне группы несколько более высокая для показателей К и Р, чем для У. То есть психологический комфорт членов в группе и содействие группы личностному и профессиональному развитию своих членов может в большей степени, чем удовлетворенность членов группой и результатами ее деятельности, содействовать социально-психологической адаптации индивидов в группе. В-третьих, связь между СПА и тремя показателями

СПЭ значительно выше на уровне малой группы, чем неформальной подгруппы. Вероятно, адаптация индивидов в неформальных подгруппах сильно зависит не только от их социально-психологической эффективности, но и от каких-то иных характеристик подгрупп. Возможно, среди таких характеристик является степень, в которой неформальные подгруппы реализовывают некоторые функции по отношению к своим членам, например, содействуют в реализации их индивидуальных целей и удовлетворении их социальных потребностей.

3. *Влияние показателей эффективности на социально-психологическую адаптацию работников.* Для проверки третьей гипотезы был использован метод однофакторного и многофакторного линейного регрессионного анализа. Первый вариант регрессионного анализа позволил оценить меру влияния каждого показателя социально-психологической и предметно-деятельностной эффективности группы на адаптацию работников, а второй – степень влияния сочетания показателей на адаптацию (регрессионный анализ для показателей предметно-деятельностной эффективности не проводился на уровне подгрупп, т. к. не было соответствующих результатов.)

Для СПА на уровне группы статистически значимым и наиболее сильным оказалось влияние на него показателей СПЭ: нестандартизированный коэффициент регрессии $B = 21.49$ ($p \leq .001$) для показателя эффективности К, $B = 19.13$ ($p \leq .001$) для Р и $B = 17.07$ ($p \leq .001$) для У. Влияние ПДЭ на СПА меньше, чем влияние СПЭ, и является статистически значимым только для показателя ТУ: $B = 8.33$ ($p \leq .001$). На уровне неформальных подгрупп установлено значимое и примерно одинаковое действие показателей СПЭ на СПА: $B = 11.17$ ($p \leq .001$) для показателя У, $B = 11.14$ ($p \leq .001$) для Р и $B = 8.81$ ($p \leq .001$) для К.

В многофакторном регрессионном анализе, где независимой переменной также была СПА, статистически значимыми оказались коэффициенты регрессии для всех сочетаний показателей эффективности, за исключением показателя ПЗ. Так, на уровне группы были получены следующие нестандартизированные коэффициенты регрессии: $B = 12.8$ ($p \leq .001$) для К, $B = 7.25$ ($p \leq .001$) для Р, $B = 6.06$ ($p \leq .001$) для У и $B = 2.94$ ($p \leq .05$) для ТУ. На уровне неформальных подгрупп вклад показателей СПЭ был $B = 8.37$ ($p \leq .001$) для У, $B = 6.40$ ($p \leq .001$) для Р и $B = 5.67$ ($p \leq .001$) для К.

Таким образом, вклад показателей СПЭ в СПА на уровне группы больше, чем на уровне неформальных подгрупп, особенно когда показатели рассматривались по отдельности. На уровне группы больший вклад в СПА работников приходится на показатель эффективности К, а на уровне подгрупп – на показатель У. Результаты регрессионного анализа позволяют по-иному посмотреть на данные корреляционного анализа, в котором были установлены низкие значения коэффициентов между СПЭ и СПА на уровне подгрупп.

Выводы

Работники, включенные в неформальные подгруппы в малой группе, имеют более высокую адаптацию в своих подгруппах, чем в группе в целом.

Адаптация работников в малой группе и неформальных подгруппах имеет разную степень связи с теми или иными показателями групповой эффективности. Так, на уровне группы адаптация индивидов более сильно коррелирует со всеми показателями социально-психологической эффективности, чем с показателями предметно-деятельностной эффективности. Связь между социально-психологической адаптацией и всеми показателями социально-психологической эффективности выше на уровне малой группы, чем неформальной подгруппы. Более сильным является влияние показателей социально-психологической эффективности на адаптацию. Это влияние выше на уровне группы, чем на уровне неформальных подгрупп.

Перспективой дальнейших исследований является изучение причинно-следственных связей между адаптацией индивидов и иными социально-психологическими характеристиками группы и подгрупп (например, сплоченность, доверие, нормы), между адаптацией и иными социально-психологическими характеристиками индивидов (лидерство, психологический статус, стиль межличностного поведения) в группе и подгруппах.

Литература

1. Горбатенко А.С. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 112–118.
2. Григорьева М.В. Теоретические и прикладные аспекты проблемы адаптации в психологии // Проблемы социальной психологии личности. – Саратов: Изд-во СГУ, 2008.
3. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: уч. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
4. Куликов Л.В. Вечная актуальность психологической адаптации личности // Сборник трудов бакалавров и преподавателей СПб ГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 259–261.
5. Методики социально-психологического изучения малых групп в организации / под ред. А.В. Сидоренкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2012.
6. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии: 2-е издание, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010.
7. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. – СПб.: Речь, 2000.
8. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1978.
9. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
10. Сидоренков А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
11. Сидоренков А.В., Павленко Р.В. Компьютерная технология «Групповой потенциал». Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ

- «Групповой потенциал» (ГП) № 2012614739 Федеральной службы по интеллектуальной собственности РФ. – М., 2012.
12. Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. Эффективность малых групп в организации. Социально-психологические и организационно-деятельностные аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011.
 13. LePine J.A. Adaptation of teams in response to unforeseen change: Effects of goal difficulty and team composition in terms of cognitive ability and goal orientation // *Journal of Applied Psychology*. 2005. 90 (6). P. 1153–1167.
 14. Rosen M.A., Bedwell W.L., Wildman J.L., Fritzsche B.A., Salas E., Burke C.S. Managing adaptive performance in teams: Guiding principles and behavioral markers for measurement // *Human Resource Management Review*. 2011. 21(2). P. 107–122.
 15. Resick C.J., Murase T., Bedwell W.L., Sanz E., Jiménez M., DeChurch L.A. Mental model metrics and team adaptability: A multi-facet multi-method examination // *Group Dynamics*. 2010. 14 (4). P. 332–349.
 16. Mindy K. Shoss, Witt L.A. When does adaptive performance lead to higher task performance? // *Journal of Organizational Behavior*. 2012. 33. P. 910–924.

Лабунская В.А., Бзезян А.А.

**Особенности оценивания различных компонентов
этнокультурных типов внешнего облика как
проявление дискриминационного отношения**

В статье с позиций психологии социального познания рассматривается феномен оценивания этнокультурных типов внешнего облика. Приводятся результаты сравнительного анализа эстетических оценок, привлекательности и степени соответствия гендеру различных компонентов (лица, телосложения, оформления) этнокультурных типов внешнего облика, в качестве которых рассматриваются «славянский тип внешнего облика», «кавказский тип внешнего облика» и «азиатский тип внешнего облика». На основе 30 видов оценок типов внешнего облика сделаны выводы о том, что: оценки внешнего облика обусловлены его принадлежностью к определенному этнокультурному типу; дискриминационное отношение молодых людей в большей степени проявляется к лицам с «азиатским типом внешнего облика»; на выраженность дискриминации оказывает влияние гендер объекта оценивания.

Ключевые слова: оценка, этнокультурный тип, внешний облик, дискриминационное отношение.

Социальная психология внешнего облика (The Social Psychology of Facial Appearance), развиваемая как зарубежными, так и отечественными психологами [6, 8, 10, 12, 15], адаптировала различные теоретические подходы к пониманию функций внешнего облика в пространстве бытия человека. Одним из них является подход, сформировавшийся в рамках психологии социального познания, которая обращается к процессам категоризации, идентификации, оценивания и придает особое значение осмыслению проблем познания социальных явлений, отражающих непосредственный жизненный опыт каждого человека и различных социальных групп [2]. Вопрос о том, как и под влиянием каких факторов разворачиваются процессы категоризации, оценивания социальных явлений и объектов у «обыденного» человека, остается актуальным до настоящего времени.

В перечень социокультурных объектов и явлений, безусловно, входит внешний облик, категоризация, интерпретация, оценивание которого осуществляется на протяжении всей жизни человека, и с позиций психологии социального познания находится под влиянием социокультурной ситуации и соответствующей ей системы ценностей. Многие исследователи утверждают, что негативные образы, стереотипы, предрассудки, являющиеся результатом сравнения, оценивания социальных объектов, входят как когнитивные компоненты в структуру дискриминационного отношения к Другому, что изучая данные явления, мы можем определить степень выраженности дискриминационного отношения. Учитывая вышесказанное, можно считать, что особенности оценивания внешнего облика являются показателями выраженности дискриминационного отношения к Другому.

На протяжении последних десятилетий проблема оценивания внешнего облика как проявления отношения к Другому, стала изучаться не только в контексте межличностного общения [7, 10], но и межгруппового взаимодействия. Внешний облик человека, состоящий из различных компонентов, все чаще становится предметом эмпирических исследований в области этнической и кросс-культурной психологии. Известно, что конструирование внешнего облика в соответствии с требованиями этнической группы является одной из самых распространенных обыденных практик демонстрации своей этнической идентичности [1, 11]. Не менее важным является и тот факт, что отчуждение от этнической группы также сопровождается, прежде всего, изменением своего внешнего облика. Об этом свидетельствуют выводы работ [4], в которых рассматриваются этнические мотивы изменения внешнего облика, актуализированные задачами адаптации к новой инокультурной среде, а также проявления лукизма (дискриминации по внешности) [12, 14, 16], которые усиливаются в ситуации восприятия атипичного в этнокультурном плане внешнего облика.

В современных работах обращается внимание не только на расовый тип внешнего облика и особенности его восприятия, но и на типы внешнего облика народов, отличающихся степенью выраженности в них определенных черт. Вывод о том, что особенности внешности позволяют отличать «своего» от «чужого», постоянно подтверждается в исследованиях и дополняется размышлениями о том, что образ внешнего облика «... является структурным компонентом сознания члена каждой национально-исторической общности» [8, с. 238].

В процессе изучения различных механизмов межгруппового восприятия был открыт ряд феноменов: «физиогномический редукционизм» [1], «кросс-расовый эффект» [8], «дискриминация по внешности в различных сферах жизнедеятельности» [12, 14, 16]. Исследователи, учитывая достижения современной психологии, обращаются к изучению особенностей восприятия расовых типов внешнего облика [3], исследованию антропоэстетических предпочтений в разных этнотерриториальных группах [8], рассмотрению микродинамики оценки индивидуально-психологических особенностей представителей различных расовых групп [5], а также изучению эмпатии в ситуациях взаимодействия с представителем другой культуры [9]. Вместе с этим, до последнего времени, на периферии внимания социальных психологов остается проблема оценивания типов внешнего облика, категоризация которых осуществляется в большей мере на основе обыденных обозначений, например, «лица кавказской национальности», «лица славянской внешности». Эти обозначения типов внешнего облика проникают в различные сферы жизнедеятельности, приводя, по мнению В.Н. Ярской [13], к эскалации «расистского дискурса», актуализации негативных установок к представителям этнокультурных групп, формированию «языка вражды». Исследования, проведенные в Московском метро, на которые ссылается В. Манукян (2008), показали, что у людей не «со славянским типом внешнего облика» в 22 раза возрастает риск быть остановленными полицейским, чем у лиц со славянским типом внешнего облика. Такого рода факты ставят задачу изучения оценок типов внешнего облика как проявления лукизма, т. е. дискриминации

Другого, порожденной особенностями внешнего облика, закрепленными в словосочетаниях, входящих в «расистский дискурс». Обозначенная проблема является особенно актуальной для тех регионов России, в которых проживают различные этнокультурные группы, отличающиеся типом внешнего облика. К таким регионам можно отнести Южный федеральный округ, в котором традиционно проживают, выражаясь обыденным языком, «лица кавказской внешности», «лица славянской внешности» и «лица азиатской внешности». В научной литературе эти типы внешнего облика обозначаются, как «славянский тип внешнего облика», «кавказский тип внешнего облика», «азиатский тип внешнего облика».

Таким образом, цель исследования заключалась в определении особенностей оценивания различных компонентов этнокультурных типов внешнего облика как проявления дискриминационного отношения. Учитывая влияние гендерного дискурса на процессы категоризации, сравнения, оценивания, гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: оценки внешнего облика могут быть обусловлены его принадлежностью к определенному этнокультурному типу и отличаться в результате влияния гендера объекта оценки.

Процедура и методики исследования

На первом этапе исследования с помощью методики «Идентификация визуальных репрезентаций этнокультурных типов внешнего облика», разработанной на основе методики К.И. Ананьевой [3], предъявлялись фотоизображения женского и мужского лица, относящиеся к северо-русскому, южно-азиатскому, кавказскому типам. Перед участниками исследования стояла задача соотнести фотоизображения различных типов внешнего облика с такими вербальными обозначениями, как «славянский внешний облик», «кавказский внешний облик» и «азиатский внешний облик». На этом этапе исследования были получены данные, которые свидетельствуют о том, что участники исследования (более 90 %) четко соотносят вербальные обозначения типов внешнего облика с их визуальными репрезентациями, иными словами, у них сложились образы «славянского, кавказского и азиатского типов внешнего облика». Следовательно, на следующих этапах исследования можно было отказаться от визуальных репрезентаций типов внешнего облика и использовать их обозначения, которые актуализируют сформировавшиеся образы и входящие в них эмоционально-оценочные суждения. На втором этапе исследования применялся опросник, созданный на основе методики «Оценочно-содержательная интерпретация внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам», разработанная В.А. Лабунской [6, 7]. Отличие применяемого в исследовании опросника от базовой методики заключается в том, что в нем в качестве объектов оценки выступают типы внешнего облика: «славянский внешний облик», «кавказский внешний облик», «азиатский внешний облик». Участникам исследования предлагается оценить по 10-балльной системе степень соответствия суждений определенному типу внешнего облика. Суждения, предлагаемые для оценки, в данном исследовании группируются в соответствии с основными функциями внешнего облика, рассматриваемыми в ряде работ [6, 10, 12, 15]. Прежде всего,

это выполнение внешним обликом эстетических функций: красивый – некрасивый, а также эмоционально-эстетических: выразительный – невыразительный; приятный – неприятный (аттрактивный); обаятельный – необаятельный. Данный тип суждений был назван «Эстетическая оценка внешнего облика». Не менее важной функцией внешнего облика является: функция регуляции отношений и взаимоотношений, в том числе отношений между мужчинами и женщинами. Данная функция внешнего облика традиционно называется «Привлекательность внешнего облика для противоположного пола». Вместе с ней внешнему облику приписывается функция конструирования гендера и репрезентации «мужественности – женственности» [12, 15]. Эта функция названа в исследовании «Степень соответствия внешнего облика гендеру». Участники исследования должны были оценить типы внешнего облика на основе суждений, отражающих базовые функции трех компонентов внешнего облика: лицо, телосложение, оформление внешнего облика. Кроме этого, участники исследования оценивали типы внешнего облика, исходя из их гендерной принадлежности. Таким образом, в результате изучения оценок внешнего облика и его компонентов («славянский внешний облик (женщина, мужчина)», «кавказский внешний облик (женщина, мужчина)», «азиатский внешний облик (женщина, мужчина)»), были получены 30 видов оценок: «эстетические оценки лица, телосложения, оформления внешнего облика»; «оценки привлекательности внешнего облика для противоположного пола»; «оценки соответствия внешнего облика гендеру (мужественность-женственность внешнего облика).

С целью определения различий между оценками «славянского внешнего облика» (мужчины – женщины), «кавказского внешнего облика» (мужчины – женщины) и «азиатского внешнего облика» (мужчины – женщины) применялся непараметрический Z-критерий Вилкоксона (программа SPSS 16.00).

В исследовании приняли участие студенты – 37 женщин и 15 мужчин в возрасте от 19 до 25 лет, большинство из которых четко идентифицируют себя с этнической группой «русские».

Результаты и выводы

Сравнительный анализ 30 видов оценок типов внешнего облика, принадлежащих определенным этнокультурным группам, показал, что существуют значимые различия (при $p < 0,001$) в оценках типов внешнего облика женщин и мужчин, принадлежащих к определенным этнокультурным группам.

1. «Эстетические оценки лица» женщин – представительниц «славянского типа внешнего облика» значимо выше, чем «Эстетические оценки лица» женщин – представительниц «азиатского и кавказского типов внешнего облика» ($Z = -5,758$; $Z = -4,251$). «Эстетические оценки лица» женщин – представительниц «кавказского типа внешнего облика» значимо выше, чем «Эстетические оценки лица» женщин – представительниц «азиатского типа внешнего облика» ($Z = -3,826$). Такая же закономерность наблюдается в эстетических оценках телосложения женщин – представительниц «славянского, кавказского и азиатского типов внешнего облика» ($Z = -3,838$; $Z = -5,156$; $Z = -1,930$ при $p = 0,054$).

2. Значимые различия обнаружены также в оценках такого компонента внешнего облика, как оформление внешнего облика (одежда, прическа, макияж, другие аксессуары): «Эстетические оценки оформления внешнего облика» женщин – представительниц «славянского типа внешнего облика» значимо выше, чем «Эстетические оценки оформления внешнего облика» женщин – представительниц «азиатского и кавказского типов внешнего облика» ($Z = -4,628$; $Z = -5,045$). В отличие от приведенных выше данных нами не обнаружены различия между «Эстетическими оценками оформления внешнего облика» женщинами – представительницами «азиатского и кавказского типов внешнего облика».

3. «Эстетические оценки лица» мужчин – представителей «славянского типа внешнего облика» значимо выше, чем «Эстетические оценки лица» мужчин – представителей «азиатского и кавказского типов внешнего облика» ($z = 3,748$; $z = 5,713$). «Эстетические оценки лица» мужчин – представителей «кавказского типа внешнего облика» значимо выше, чем «Эстетические оценки лица» мужчин – представителей «азиатского типа внешнего облика» ($z = -2,593$). Такая же закономерность наблюдается в эстетических оценках телосложения мужчин – представителей «славянского, кавказского и азиатского типов внешнего облика». Телосложение мужчин, принадлежащих к «славянскому типу внешнего облика», оценивается значимо выше, чем телосложение мужчин, принадлежащих к «азиатскому и кавказскому типам внешнего облика» ($Z = -3,431$; $Z = -5,356$). «Эстетические оценки оформления внешнего облика» мужчин – представителей «славянского типа внешнего облика» значимо выше, чем «Эстетические оценки оформления внешнего облика» мужчин – представителей «азиатского и кавказского типов внешнего облика» ($Z = -5,076$, $Z = -5,226$).

4. Обнаружены значимые различия между «Оценками привлекательности типов внешнего облика для противоположного пола». «Оценки привлекательности женского и мужского славянского типа внешнего облика для противоположного пола» значимо выше, чем «Оценки привлекательности женского и мужского кавказского и азиатского типов внешнего облика для противоположного пола» (при $p < 0,001$). Самые низкие «Оценки привлекательности внешнего облика для противоположного пола» получает женский и мужской тип азиатского внешнего облика.

5. «Степень соответствия внешнего облика гендеру (мужественность –женственность)» также оценивалась в зависимости от типа внешнего облика. «Женский славянский тип внешнего облика» оценивается как более женственный, чем «женский кавказский и азиатский типы внешнего облика» ($Z = -4,720$; $Z = -6,126$). «Мужской славянский тип внешнего облика» получает более высокие оценки степени соответствия гендеру (мужественность), чем «мужской кавказский и азиатский типы внешнего облика», но «мужской кавказский тип внешнего облика» оценивается как более мужественный, чем «мужской азиатский тип внешнего облика» (при $p < 0,001$).

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, что дискриминационное отношение к группам с определенным типом внешнего

облика выражается в различных уровнях оценок компонентов внешнего облика и в таких его интегральных характеристиках, как привлекательность внешнего облика для другого человека, презентация феминности-маскулинности. Обнаруженные проявления дискриминации относятся к сфере предубеждений. Эти предубеждения заключаются в том, что русские студенты (большинство участников исследования) считают, что как мужчины, так и женщины, имеющие «славянский тип внешнего облика», являются более красивыми, аттрактивными, обаятельными, привлекательными для другого человека, более мужественными и или женственными, чем обладатели «кавказского или азиатского типа внешнего облика». Дискриминационное отношение, представленное в различных видах оценок, в большей степени проявилось к людям с «азиатским типом внешнего облика».

Литература

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М., 1990.
2. Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. // Социальная психология в современном мире. – М., 2002. – С. 9–26.
3. Барабанщиков В.А., Ананьева К.И. Восприятие Фотоизображений лиц людей разной расовой принадлежности // Вестник РУДН. – серия «Психология и педагогика». – 2009. – № 1. – С. 7–12.
4. Гилман Сандер Л. Этнические вопросы в эстетической хирургии / Чужое лицо. – М.: Аст-Астрель, 2006. – С. 111–138.
5. Демидов А.А., Ананьева К.И. Микродинамика оценки индивидуально-психологических особенностей представителей различных расовых групп // Экспериментальная психология. – 2010. – Т. 3. – № 4. – С. 104–118.
6. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26–39.
7. Лабунская В.А. Самооценка внешнего облика на различных этапах жизненного пути // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – Ч. 1. – С. 331–338.
8. Лицо человека как средство общения. Междисциплинарный подход. – М.: Когито-Центр, 2012.
9. Менджерицкая Ю.А. Точность эмпатии в ситуациях взаимодействия с представителем другой культуры // Российский психологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 15–19.
10. Панферов В.Н. Психология человеческих отношений. – СПб: АННО ИПП, 2009.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2003.
12. Суэми В., Фернхем А. Психология красоты и привлекательности. – СПб: Питер, 2009.
13. Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 46–53.

14. Puhl R., Brownell K.D. Bias discrimination and obesity // *Obesity Research*. 2001, no. 9, pp.788–805.
15. *The Social Psychology of Facial Appearance* by R. Bull, N. Rumsey. – New York:Springer-Verlag,1988.
16. Tietje Louis, Cresap Steven Is lookism unjust? – The ethics of aesthetics and public policy implications// *Journal of Libertarian Studies*. 2005,Vol. 19, no. 2, pp. 31–50.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И АКМЕОЛОГИЯ

Щербакова Т.Н., Рощевская Е.В.

Коммуникативный ресурс как акмеологическая детерминанта успешности профессионального становления специалистов в области медицины

В статье раскрыта актуальность исследования роли коммуникативного ресурса в успешности профессионального становления специалистов антропоцентрированных профессий в период обучения в вузе. Представлены результаты эмпирического изучения показателей развития коммуникативного ресурса студентов-медиков. Описаны психологические портреты «успешных» и «неуспешных» студентов. Раскрыта структура и содержание коммуникативного ресурса. Выделены риски и направления психолого-акмеологического сопровождения развития коммуникативной компоненты профессионального становления будущих специалистов.

Ключевые слова: коммуникативный ресурс, успешность, общительность, социально-коммуникативная компетентность, коммуникативный контроль, эмпатия, самооффективность, риски, моделирование.

В рамках современной парадигмы оценки профессионала наряду с профессионализмом, компетентностью рассматривается коммуникативная успешность в профессиональных интеракциях. Правильно смоделированное и реализованное субъект-субъектное общение становится мощным фактором обеспечения результативности и продуктивности человека в области антропоцентрированных профессий. В системе профессиональной подготовки специалистов традиционно делается акцент на освоении технологии, современных способов деятельности, развитии профессиональной компетентности; дефицитарной оказывается коммуникативная сторона подготовки в образовательном процессе вуза. Это входит в определенное противоречие с современными представлениями науки и практики о содержании, сущности и критериях профессиональной успешности. Соответственно, коммуникативный ресурс будущих специалистов может выступать в качестве акмеологической детерминанты успешного профессионального становления студентов антропоцентрированных специальностей [5]. Период обучения в вузе оказывается наиболее сензитивным к развитию коммуникативного ресурса личности, включающего коммуникативные способности, коммуникативные интерактивные и социально-перцептивные умения, коммуникативно значимые качества субъекта. Сегодня представляется целесообразным использовать развивающий потенциал периода профессионального становления студентов для формирования коммуникативной успешности в будущем профессиональном взаимодействии.

Таким образом, коммуникативный ресурс выступает акмеологической детерминантой успешного профессионального становления, что определяется, прежде всего, требованиями профессии, спецификой современной модели профессионального со-бытийного пространства, социальными ожиданиями относительно характера взаимодействия с представителями данных профессий.

В зарубежной психологии проблема эффективности, успешности рассматривается в тесной взаимосвязи с уровнем развития способности субъекта к продуктивным социальным и эмоциональным интеракциям [5, 6]. В психологической науке накоплен определенный теоретический и эмпирический материал, раскрывающий феноменологические и операциональные характеристики психологической компоненты профессиональной подготовки специалистов в период обучения в вузе; показана ее связь с другими направлениями профессиональной подготовки, ее роль в успешности субъекта учебно-профессиональной деятельности и будущей профессиональной продуктивности. Сегодня существуют различные подходы к моделированию развития коммуникативной компетентности на различных стадиях профессионального развития [4].

Развитие этого направления связано, прежде всего, с общей гуманитаризацией подходов к исследованию профессиональной деятельности и факторов ее эффективности, с совершенствованием и модернизацией системы высшего профессионального образования.

Вместе с тем ощущается дефицит концептуально обоснованных исследований в области коммуникативной составляющей успешности профессионального становления специалистов и коммуникативного ресурса, как фактора их профессиональной успешности. Это делает актуальным проведения углубленных исследований в области коммуникативных ресурсов как акмеологической детерминанты успешного профессионального становления студентов антропоцентрированных специальностей разработки конструктивных адресных программ их развития.

Модель программы эмпирического изучения была реализована на базе Ростовского государственного медицинского университета. Модель программы эмпирического изучения была реализована на базе Ростовского государственного медицинского университета. Общая численность респондентов составила 223 человека: студенты 1–2 курсов в возрасте от 16 до 21 года, юноши и девушки, студенты разного уровня академической успеваемости и социальной активности. Исследование проходило в течение четырех лет (с 2009 по 2013 гг.). Выбор контингента для реализации замысла исследования обусловлен тем, что медицинские профессии относятся к профессиональной области с ярко выраженным антропоцентрированным компонентом.

Целью исследования было изучение особенностей коммуникативного ресурса как акмеологической детерминанты успешного профессионального становления студентов-медиков как типичных представителей антропоцентрированного направления. В ходе исследования решались следующие задачи:

- исследовать содержательное своеобразие коммуникативного ресурса студентов медиков;
- выявить тенденции успешного профессионального становления студентов медиков с разным уровнем выраженности коммуникативного ресурса;
- изучить специфику проявления и проекций коммуникативного ресурса студентов медиков в процессе учебно-профессиональной деятельности и социального взаимодействия;
- на основе эмпирических данных разработать модель развития коммуникативного ресурса как акмеологической детерминанты профессионального становления студентов медиков;
- выявить психолого-педагогические условия оптимизации коммуникативной подготовки будущих специалистов в период обучения в медицинском вузе.

В период профессионального становления специалиста в вузе закладываются не только технологические и операциональные основы будущего мастерства, но и формируется мотивационная основа профессиональной деятельности, развивается Я-концепция – «Я-профессионал», нарабатывается индивидуальный тезаурус эффективных способов реализации творческих замыслов, развивается коммуникативная компетентность. Эффективность развития здесь определяется успешностью в двух направлениях: освоение учебной деятельности и позитивный опыт апробации профессиональных алгоритмов, схем, моделей. В результате возникает индивидуальная программа освоения профессиональной деятельности и общения. Успешность становления профессионала в вузе определяется во многом содержанием, устойчивостью и адекватностью учебной и профессиональной мотивации, а также наличием коммуникативных ресурсов.

В процессе освоения профессии в вузе, помимо приобретения знаний, расширения индивидуальной системы навыков и умений, у студентов появляются новые интересы, потребности, ценности, развивается система индивидуальных смыслов, формируется новая смысловая реальность, адекватная направлению будущей профессиональной деятельности [1]. Совершенствуются специальные способности, усиливаются профессионально важные качества, осваиваются профессиональные жанры общения. Эти личностные изменения, в свою очередь, способствуют более эффективному развитию профессионализма, развиваются профессионально-значимые личностные качества, такие, как: целеустремленность, инициативность, настойчивость, последовательность, креативность, самостоятельность, общительность.

В процессе личностно-профессионального развития происходят специфические качественные изменения личности: увеличение опыта, расширение круга интересов и системы потребностей, развитие компетентностей (аутопсихологической, когнитивной, коммуникативной, социальной), актуализация мотивов достижения, возрастание потребности в самореализации и саморазвитии; развитие профессионально важных качеств, субъектности и повышение готовности к деятельности в системе использования коммуникативного ресурса.

Анализ исследований в области подготовки медицинских работников показывает, что проблема развития коммуникативной компоненты профессионализма врача, несмотря на ее значимость, остается мало разработанной, зачастую она ограничивается перечнем долженствований для врача, акцентом внимания на наличии комплекса профессионально-значимых качеств: доброжелательность, внимательность, доброта, чуткость. Вопросы развития коммуникативной компетентности и технологии построения эффективной системы взаимодействия «врач – пациент» остаются за пределами образовательного процесса в медицинских вузах [3].

Подготовка врача по психологии должна включать следующую проблематику: человекознание, психологию личности и ее трактовку в медицине, особенности влияния болезни на психику человека, зависимость хода лечения от психологического состояния больного, роль личности врача, психологически целесообразное поведение врача, развитие коммуникативной компетентности [2].

Необходимо учитывать, что в современной медицинской психологии выделяют три основных парадигмы взаимоотношений «врач – пациент»: патерналистско-эзотерическую, медико-техническую и доверительную.

Первая основана на авторитарном руководстве пациента со стороны врача, который выступает значимой фигурой, чье слово и действие – закон для пациента, вторая модель предполагает позицию «врач-эксперт», устанавливающий диагноз и формулирующий предположения о возможной перспективе и схеме лечения. В данном контексте общение осуществляется по монологическому типу.

В современной практике предпочтение отдается субъект-субъектному взаимодействию, акцент ставится на сотрудничество, реализуется модель совместного принятия решения о ходе лечения с превалированием ценностей больного при оценке полученного результата, реализуется тип общения «диалог».

В последние десятилетия особую актуальность приобрела проблема достижения согласия с пациентом по поводу содержания и хода лечения, а также осмысления понимания и адекватной оценки получаемой информации.

Современная медицина ориентирована на помощь пациенту в достижении благополучия, повышении стандарта жизни за счет устранения медицинской проблемы, а не только эффективное лечение. Это расширяет представление о психологической компоненте профессиональной подготовки врача как значимой составляющей профессионализма.

Проблема развития коммуникативной компетентности как компоненты профессионального становления может быть понята более широко, что позволяет включить в содержание развивающих программ мероприятия не только по развитию инструментальных характеристик компетентности, но и смысловой сферы субъекта деятельности, когда этическая ориентация профессионального взаимодействия приобретает личностный смысл.

Большую роль в качественной профессиональной подготовке врача имеет система механизмов субъективного контроля, понимаемого как интегральное личностное образование и включающее стратегический или концептуальный,

тактический и операциональный контроль. В развитой форме субъективный контроль позволяет принимать ответственность на себя в проблемных профессиональных ситуациях, проявлять надситуативную активность, занимать определенную субъектную позицию, конструируя собственные сценарии профессионального взаимодействия «врач – пациент».

Результаты научно-теоретического анализа позволяют выделить группу характеристик врача, которые являются показателями уровня развития коммуникативной составляющей профессионализма. Их диагностика позволяет оценить степень успешного взаимодействия «врач – пациент». В данный комплекс целесообразно включить: эмпатию, общительность, локус контроля, фрустрационную толерантность, гибкость, коммуникативный контроль, уровень социально-коммуникативной успешности, стратегию поведения в конфликте. Диагностика данных параметров позволяет составить индивидуальный прогноз успешности будущей профессиональной деятельности, увидеть проблемы развития профессиональной компетентности данного вида и смоделировать адресную программу психологической помощи специалисту в развитии компетентного стиля общения в период обучения в вузе.

В ходе исследования на диагностическом уровне было констатировано, что показатели развития общительности у студентов-медиков лежат в диапазоне значений, отражающего профессионально-приемлемый и оптимальный уровень, обеспечивающего конструктивность, продуктивность и успешность профессионального взаимодействия. Вместе с тем обозначились определенные риски: невнимательность к партнеру по общению, утомление и раздражение, продуцируемое длительностью контакта, чрезмерная общительность или, напротив, низкий уровень общительности. Выявленные риски обозначают область и содержательную направленность мероприятий коррекции данного профессионально значимого качества в период профессионального становления.

Большую роль в успешности профессионального становления специалистов медицинского профиля играет социальный интеллект и социально-коммуникативная компетентность. Современный ракурс рассмотрения медицинской профессии как антропоцентрированной требует особого внимания к социальному интеллекту субъекта, обеспечивающему продуктивность решения профессиональных задач в рамках клиентцентрированной медицины. Социально-психологическая компетентность тесно связана с социальным интеллектом профессионала, уровень ее развития позволяет констатировать степень готовности и самооффективности в пространстве профессионального взаимодействия, а также построить прогноз профессиональной успешности в будущем.

Диагностика социально-коммуникативной компетентности с применением опросника КСК дала следующие результаты. По шкале «социально-коммуникативная неуклюжесть» 39,9 % студентов демонстрируют низкий уровень проявления, 36,3 % – ниже среднего, 16,1 % – средний уровень, высокий уровень по данной шкале показали 7,7 %. Этих студентов можно охарактеризовать как достаточно

гибких, адаптивных и эффективных субъектов общения. По параметру «нетерпимость к неопределенности» больше половины испытуемых набрали количество баллов, соответствующее среднему уровню – 54,3 %. Таким студентам присущи открытость к инновациям и экспериментированию в общении, легкость в освоении новых средств взаимодействия. По шкале «чрезмерное стремление к конформности» как показателю зависимости от стереотипов и социальных установок, нерешительности в отстаивании собственных идей и решений получены следующие результаты: низкий уровень у 25,6 % студентов, ниже среднего – у 37,2 %, средний – у 24,7 %, выше среднего – у 10,8 %; 1,7 % опрошенных показали высокий уровень. Шкала «повышенное стремление к статусному росту» отражает высокий уровень притязаний на успешность. У испытуемых преобладает уровень выше среднего – 39,9 % и средний – 31,7 %, только 10,8 % студентов демонстрируют высокий уровень стремления к статусному росту. Ориентация на избегание неудач выражена низко у большинства респондентов. У 4 % студентов по данной шкале результат выше среднего. Неустойчивость к фрустрации и стрессу при взаимодействии, невозможность эффективно действовать в напряженном режиме, с субъектами затрудненного общения демонстрируют 17 % опрошенных.

Таким образом, четко выделилась две группы студентов по уровню развития социально-коммуникативной компетентности. Первая группа – «успешные» – характеризуется социальной адаптивностью и успешностью, самоэффективностью и гибкостью в социальных контактах, достаточным уровнем развития социального интеллекта, конструктивностью социального поведения, высокой степенью устойчивости к энтропии в ситуациях общения, толерантностью, готовностью действовать в инновационных ситуациях с партнерами, отличающимися неординарностью и непредсказуемостью поведения. Для этой группы характерна ориентация на социальный успех и социальное признание, способность демонстрировать коммуникативную успешность, выраженность мотивации достижений в ситуациях общения, нацеленность на решения сложных коммуникативных ситуаций и нахождение конструктивных решений при взаимодействии с пациентом как субъектом затрудненного общения. А также рефлексивное отношение к собственной коммуникативной активности, устойчивость к стрессорам и фрустраторам, присутствующим в профессиональных и коммуникативных ситуациях.

Вторая группа – «неуспешные» – характеризуется недостаточной социальной адаптивностью, неуверенностью в самоэффективности, недостаточной гибкостью в социальных контактах, центрацией на себе, дефицитом в развитии социального интеллекта, неконструктивностью социального поведения, напряжением, эмоциональной неустойчивостью в ситуациях общения с высоким статусом неопределенности, интолерантностью, затруднениями в общении в контексте инновационных ситуациях с партнерами, отличающимися неординарностью и непредсказуемостью поведения. Для этой группы характерен недостаточный уровень ориентации на социальный успех и социальное признание, выраженное стремление к избеганию неудач в ситуациях общения, желание избежать необходимости решения сложных

коммуникативных ситуаций при взаимодействии с пациентом как субъектом затрудненного общения. А также недостаточная саморефлексия, интолерантность к стрессорам и фрустраторам, присутствующим в профессиональных и коммуникативных ситуациях. Полученный диапазон развития показателей социально-коммуникативной компетентности студентов-медиков дает основания для построения прогноза дальнейшего профессионального развития и выявляет основные векторы направленности запросов на психолого-акмеологическое сопровождение личностно-профессионального роста специалистов в области медицины.

В профессиональной деятельности медицинского персонала значимой детерминантой успеха выступает способность контролировать свое коммуникативное поведение в процессе взаимодействия с пациентом. В данном случае коммуникативный контроль выступает ресурсом успешности профессионального общения, показателем профессионализма, и зрелости личности.

Для оценки самоконтроля в общении с другими была использована методика М. Снайдера. Анализ данных позволяет констатировать, что на выборке студентов-медиков высокий уровень самоконтроля показывают 18,8 %, средний – 52,5 %, низкий – 28,7 %.

Таким образом, высокий коммуникативный контроль продемонстрировала незначительная часть респондентов, что можно объяснить как особенностями возраста, так и недостаточным уровнем аутопсихологической компетентности, культуры в общении, толерантности и проблемами в сфере саморегуляции и самоконтроля. Эта позиция, несомненно, требует корректировки в ходе профессионального становления, т. к. в дальнейшем низкий коммуникативный контроль медицинского работника может провоцировать возникновение психологических барьеров в общении с пациентом.

Психологическим качеством, обеспечивающим адекватную коммуникацию в системе взаимоотношений «врач – больной», является также эмпатия как способность к сочувствию, сопереживанию, состраданию, своеобразная «включенность» в мир переживаний больного. Анализ результатов, полученных при изучении эмпатии в сфере медицинской профессии показывает, что большинство студентов-медиков демонстрирует средний уровень эмпатийности – 72,2 %, высокий – 22,4 %. Низкий уровень общей эмпатии показали только 4,9 %, очень низкий – 0,5 %. Наиболее высокие показатели у студентов-медиков по шкале эмпатии с незнакомыми и малознакомыми людьми (78,5 % – средний уровень, 4,5 % – высокий уровень), пожилыми людьми (82,5 % и 4 % соответственно), с детьми (72,6 % и 9 %). Высокий (11,2 %) и очень высокий (18,8 %) уровень эмпатии с родителями, что, возможно, обусловлено юношеским возрастом испытуемых. Значительно ниже показатели эмпатии в отношении героев художественных произведений (высокий уровень у 0,5 % испытуемых) и животных (0,4 %).

Таким образом, выраженность эмпатии как профессионально значимого качества у студентов медиков в целом по выборке достаточно высока. Это обусловлено как индивидуально-личностным профилем людей, выбирающим профессию в сфере

«медицина», так и направленностью учебно-профессиональной деятельностью медицинском вузе, где ценность человеческой жизни, здоровья, сохранности качества жизни и качества активности человека как субъекта жизнедеятельности является ценностью, которая формируется как составляющая картины мира студентов в период обучения в вузе. Вместе с тем при высоких показателях эмпатичности демонстрируется неоднородность группы по критерию «адресат эмпатии» и «интенсивность эмпатии». Пик эмпатических переживаний демонстрируется в отношении стариков, малознакомых людей. Близкие показатели продемонстрированы в отношении родителей и детей, что свидетельствует о достаточной готовности студентов-медиков проявлять эмпатические переживания по отношению к разным группам людей. Это, несомненно, является ресурсом профессионального становления. Необходимо отметить, что т. к. эмпатия является основой построения диалоговых субъект-субъектных отношений с пациентом, необходимо уделять более пристальное внимание развитию эмпатических способностей и адекватным профессиональным способам презентации эмпатии.

Коммуникативные ресурсы врача имеют практическое воплощение в сложных профессиональных ситуациях общения, которые могут провоцироваться особенностями эмоционального состояния пациента, связанного с наличием медицинской проблемы (страх, тревога, беспокойство, повышенная уязвимость, агрессивность), различием в прочтении врачом и пациентом диагноза, перспективы развития медицинской проблемы и возможности ее устранения, неготовностью пациента соблюдать правила и требования в ходе лечения, нереалистичными требованиями пациента относительно оказываемой медицинской помощи. Кроме того, в процессе взаимодействия «врач – пациент» могут возникать барьеры разного типа, характерные для общения в рамках антропоцентрированных профессий: психофизиологические, эмоциональные, оценочные, смысловые и информационные. В связи с этим значимым представляется диагностика стратегии поведения в конфликте у студентов-медиков и возможности оптимизации и корректировки активности в ходе конструктивного разрешения конфликта.

Анализ данных о личностной предрасположенности студентов-медиков к определенному типу поведения в конфликте показал, что доминирующей является стратегия компромисса (40,4 %) как умение найти оптимальное сочетание интересов сторон, возможно, даже за счет взаимного отказа от ряда требований. Приспособление, понимаемое как готовность пожертвовать собственными интересами, выбирают в качестве доминирующей стратегии 30,9 % испытуемых. Практически не используется студентами-медиками в конфликтных ситуациях стратегия соперничества, в основе которой лежит стремление реализовать свои интересы за счет других (35,9 %).

Таким образом, наиболее выраженными в целом по группе оказываются тенденции к выбору таких стратегий поведения в конфликте, как компромисс, приспособление и сотрудничество. Необходимо отметить, что полученная картина в целом соотносится с требованиями профессионального общения «врач – пациент». Вместе

с тем сотрудничество приобретает третий ранг, что не соответствует современному представлению о характере, содержании взаимодействия «врач – пациент», т. к. в ракурсе современных представлений предполагается, что принятие решения в ходе лечения и сам процесс лечения, а также оценка его результата осуществляется в диалоговом режиме в рамках субъект-субъектного взаимодействия. В связи с этим возникает проблема формирования установки на сотрудничество с пациентом и развития способности к сотрудничеству в ходе становления специалистов в период обучения в вузе.

Учитывая, что вузовский этап профессионализации является наиболее чувствительным периодом для развития коммуникативных ресурсов как акмеологической детерминанты профессионального развития, именно поэтому имеет большое значение разработка и внедрение в процесс подготовки будущих врачей специализированных программ, направленных на ее развитие и повышение.

Результаты корреляционного анализа говорят о том, что в группе с высоким и очень высоким уровнем общительности выявлена значимая связь с фрустрационной интолерантностью, причем, чем выше уровень общительности, тем ниже уровень фрустрационной интолерантности. Обнаружены отрицательные корреляционные связи высокого уровня общительности со стратегией поведения в конфликте «приспособление», активностью в трудовых мероприятиях и успеваемостью. Обнаружена положительная корреляционная связь высокого уровня общительности со стратегией поведения в конфликте «избегание». Следовательно, чем выше уровень общительности у студентов, тем чаще они используют стратегию поведения в конфликте «избегание» и реже – «приспособление».

Интерес представляют данные корреляционного анализа взаимосвязи между социометрическим статусом как маркером проекции уровня развития коммуникативного ресурса и отдельными его компонентами.

Значимые корреляции учебного статуса в группе «лидеры и предпочитаемые». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена: учебный статус и чрезмерное стремление к конформности $-0,209^*$ (при $p \leq 0,05$).

Выявлена отрицательная корреляция учебного статуса и чрезмерного стремления к конформности в группе лидеров и предпочитаемых. Следовательно, чем выше учебный статус в группе, тем ниже стремление к конформности.

Выявлена отрицательная корреляция учебного статуса и ориентации на избегание неудач. Чем ниже учебный статус в группе, тем больше выражена ориентация на избегание неудач в группе «пренебрегаемых и изолированных».

По итогам исследования была разработана целостная модель программы развития коммуникативных ресурсов студентов-медиков, включающая блоки: установочный, целевой, содержательный, инструментальный, развития компетентного стиля общения и коммуникативной успешности, апробации моделей коммуникативного поведения, рефлексии и коррекции оценки.

Важной составляющей частью программы является обучение моделированию развития собственных технологий коммуникативной успешности моделирования,

оно предполагает прохождение определенных этапов понимания содержания моделируемого новообразования: оценка своих возможностей, перспектив, рисков, барьеров, затруднений; выбор адекватных способов саморазвития; формирование готовности к Я-изменениям; определение профессионально-ориентированной среды для апробации приобретаемой компетентности; подбор экспертов для получения обратной связи в профессиональном общении, в данном случае – сокурсники, преподаватели, врачи, медицинский персонал, пациенты, администрация лечебного учреждения. Во время практики важно также определить те способы, при помощи которых будет собираться информация о произошедших изменениях, критерии и маркеры коммуникативной успешности.

В качестве таких показателей, как показывает предпринятое исследование, могут рассматриваться: самооффективность в ситуациях общения; стабилизация удовлетворенности контактами с коллегами, преподавателями и пациентами; уменьшение количества ситуаций, вызывающих затруднения; реальные позитивные достижения во взаимоотношениях; изменение соотношения результатов и затрачиваемых усилий; устойчивая мотивация к поиску информации, помогающая наладить эффективную коммуникацию; рост коммуникативного самоконтроля, который позволяет, в том числе, контролировать экспрессию и эмоциональные состояния в ходе непосредственного взаимодействия; признание компетентности со стороны сокурсников, преподавателей и обращения за помощью в решении проблемных коммуникативных ситуаций.

Таким образом, было показано, что коммуникативный ресурс студентов антропоцентрированных специальностей выступает в качестве субъективной детерминанты успешного профессионального становления, что обусловлено значением коммуникативной компоненты в общей структуре профессионализма специалистов медицинского профиля; представляет собой систему взаимосвязанных компонентов когнитивного, личностного, социально-коммуникативной компетентности, индивидуальных моделей коммуникативной активности. Маркерами уровня развития коммуникативного ресурса студентов данного профиля являются: социометрический статус, коммуникативная успешность, академическая и социальная успешность.

Существуют гендерные различия в содержании, структуре и проекциях коммуникативных ресурсов студентов: уровне общительности, проявлении эмпатии, предпочтении стратегий поведения в конфликте, толерантности к энтропийности в общении, проявлениях коммуникативной активности.

Качество развития коммуникативных ресурсов специалистов антропоцентрированного профиля в период обучения в вузе определяются наличием системы психолого-педагогических условий, нацеленных на создание оптимальной развивающей среды в пространстве вуза, наличием адресной программы развития и мероприятий психологической поддержки студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности.

Литература

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технологии направленной трансляции смыслов в обучении. – М.; Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2008.
2. Бойко В.В., Максимова С.А. Психологические аспекты работы администраторов платных стоматологических клиник. – СПб., 2000.
3. Герасименко С.Л. Совершенствование коммуникативной культуры студентов в условиях медицинского вуза // Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 1. – С. 33–34. – URL: www.science-education.ru/13-427.
4. Кузьмина Е.М., Соколов В.М. Формирование коммуникативной компетентности студентов вуза: монография. – Н. Новгород: ВГИПУ, 2007. – 176 с.
5. Щербакова Т.Н., Малкарова Р.Х. Коммуникативный ресурс как акмеологический фактор профессионального развития педагога // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 40–45.
6. Riggio R.E., Riggio H.R., Salinas C., Cole E.J. The Role of Social and Emotional Communication Skills in Leader Emergence and Effectiveness // *Group Dynamics: Theory, Research and Practice*. – 2003. – Vol. 7. – no. 2. – P. 783–103.
7. *The Development Psychology of Personal Relationships* / Ed. by Rosemary S.L. Mills & Steve. – Willy Cop, 2000. – 287 p.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Гримсолтанова Р.Э.

Одержимость как предмет психологического исследования

В данной статье рассматривается психологический аспект понятия «одержимость» в контексте психологического воздействия на восприятие молодежи данного феномена, проводится анализ восприятия феномена «одержимости» среди студенческой молодежи.

Ключевые слова: *одержимость, фанатизм, вера, религия, какодемонация, установка, личностные ценности.*

В настоящий период отечественной истории религия начинает играть одну из ведущих ролей в процессе формирования системы общественных и индивидуальных ценностей. Религиозные приоритеты все чаще напрямую задают направление их реализации. О возросшем влиянии религии на общество может, с одной стороны, свидетельствовать количество религиозных объединений, возникших за последние несколько лет. С другой стороны, о месте, занимаемом религией в жизни современного человека, могут говорить следующие данные опросов общественного мнения: среди граждан России атеистами считают себя 4,4 %, верующими – 60 % и неверующими – 27 %.

Таким образом, понимание и оценка влияния религии на человека, его духовное и психологическое состояние является важной задачей для психологии и многих других гуманитарных наук.

Религия, по определению С. Ожегова, есть одна из форм общественного сознания – совокупность мистических представлений, основанных на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения. Аналогичные определения можно найти и в английском языке. Так, Webster определяет религию как веру и почитание бога, обычно выражаемые в определенном поведении и исполнении ритуалов. В социологии даются другие дефиниции религии. По утверждению Давида Эмиля Дюркгейма – французского социолога и философа, религия – это «солидарная система верований и практик, относящихся к сакральным вещам». Другой представитель функционализма в социологии – Радклифф-Браун – считает, что религия есть элемент социальной структуры, обеспечивающий социальную сплоченность, которая необходима для выживания общества. Уолш говорит о необходимости различать два понятия: религия и духовность. У религии, пишет он, есть много значений, в том числе она подразумевает интерес к божественному и высшим ценностям жизни. Духовность же относится к непосредственному переживанию божественного [8].

В связи с возрастающей ролью религии становятся актуальными проблемы исследования таких феноменов, как вера, приобщенность к религии и фанатизм.

В работе А.В. Романова анализ веры непосредственно соотносится с учением о человеке – теорией личности, личностных оснований знаний и познания, учением об истине и свободе, философией сознания, учением о человеческой душе.

Во все времена вера рассматривалась в качестве последнего основания человеческого бытия. Проблема веры есть проблема выявления, обретения и сохранения фундаментальных вневременных духовных ценностей, забвение которых равносильно растворению в социальном и индивидуальном небытии.

Вера – одно из предельно личностных, дологических оснований человеческой культуры.

В религиоведении наиболее актуальными и неотложными оказываются, как отмечает Л.Н. Митрохин, фундаментальные традиционные, «вечные» проблемы, одной из которых и является проблема веры.

Все это свидетельствует о том, что философский анализ веры выступает неотъемлемым аспектом религиоведения и, прежде всего, философии религии [10].

По мнению М.Н. Кузнецовой, в современных условиях проблема религиозного фанатизма приобрела особую актуальность. Несмотря на то, что для современного общества характерен относительно высокий уровень образованности населения, а церковь давно не является господствующим социальным институтом, религиозный фанатизм продолжает функционировать.

Трансформируя переживание религиозной веры до максимального напряжения и предельных форм выражения, религиозный фанатизм способен проявиться в любой религии и может быть использован как средство разрешения различных политических целей, психологических проблем, которые детерминированы, как социальными условиями, так и духовными потребностями религиозной личности [6].

В контексте данных проблем особый интерес приобретает интерпретация понятия «одержимость».

Одержимость – полное и всеобъемлющее подчинение разума человека чему-то, какой-либо мысли или желанию.

Согласно представлениям некоторых религий (в том числе христианства), одержимость – состояние, в котором человек подчинен одному или нескольким духам, богам, демонам, бесам или дьяволу. Подразумевается, что подобные сверхъестественные существа зачастую враждебны человеку и действуют обычно с целью причинения зла. Согласно верованиям, для одержимости необходимо вселение сверхъестественной сущности в человека, но иногда источник или источники одержимости могут управлять человеком на расстоянии. Подобные представления появились как попытка объяснить различные заболевания человека [7].

Истерия и одержимость есть проявление «порчи» подселения. Если такой «порчи» подвергается женщина, то ее называют кликушей. Такие женщины ощущают в себе присутствие сторонних сил, слышат голоса, теряют над собой контроль, они постоянно причитают, визжат и воют по-звериному, у них происходят судорожные

припадки и обмороки. Лечить такую «порчу» должен только знающий человек, владеющий особыми навыками и умениями. Неопытный же в этом деле может сам легко «заразиться» этой болезнью [4].

Представления в исламе о признаках бесноватости (одержимости шайтанами, джиннами) существенно разнятся. Высказываются мнения, что симптомами беснования являются неадекватное поведение, галлюцинации, психические патологии, одержимый может страдать потерями сознания, кошмарами, потерей болевой чувствительности или беспричинными болями. Если не принять меры (не изгнать джинна), то одержимый либо сойдет с ума, либо умрет [12].

Современная медицина рассматривает одержимость как частный случай психического расстройства. Так называемым одержимым присущи классические симптомы истерии, маниакального синдрома, психоза, синдрома Туретта, эпилепсии, шизофрении или раздвоения личности [7]. В Международной классификации болезней МКБ-10 одержимость упоминается в пункте F44.3 «Транс и одержимость» (Trance and possession disorders) и дифференцируется с шизофренией, психотическими и органическими расстройствами, состояниями, вызванными контузией или интоксикацией [5].

В случае раздвоения личности 29 % опрошенных «альтер эго» считало себя «демоном». Кроме того, существует форма мономании (разновидность паранойи), которая называется демономания или демонопатия, в которой пациент верит, что он одержим одним или несколькими демонами.

Иногда встречающееся «исцеление» через экзорцизм, в свою очередь, связано с эффектом плацебо и самовнушением. Некоторые люди, которые считали себя одержимыми, в действительности страдали нарциссизмом или низкой самооценкой и действовали как «одержимые демоном», чтобы привлечь к себе внимание.

Есть версия, что одержимость не может произойти без согласия со стороны жертвы, хотя бы даже подсознательного.

В психиатрии пациенты, страдающие от множественной личности, подавляя свою ненависть, что действует подобно магниту для злых влияний, которые иногда воспринимаются как внешние духи или привидения. Мания всегда говорит о каком-то ненормальном состоянии, и если пациент при этом верит в реальность влияния со стороны духов, он не в состоянии игнорировать ту идею, что одержим духом. Сильная физическая или психологическая травма может привести к такому расстройству – оно открывает некое «окно» в сознании, предоставляя возможность злему духу войти через него.

В некоторых случаях множественной личности психиатры обнаружили, что только экзорцизм – даже простое упоминание имени Господа – устраняют одну или более вторичных личностей, и в результате пациент снова может стать единой личностью.

Джеймс Х. Хислоп, который был руководителем Американского общества психических исследований и изучал феномен одержимости духом, в своей книге «Контакт с иным миром» (1919) писал, что если люди верят в телепатию,

то они могут на расстоянии вторгаться в другую личность. А если это так, говорит Хислоп, то не похоже, что злые или добрые духи – единственные существа, которые способны проникать в человека со стороны. Хислоп также обнаружил, что люди, которым ставят диагнозы истерия, множественная личность, dementia praecox (раннее слабоумие) или какое-либо другое расстройство психики, демонстрируют, как сами они считают, безошибочные признаки вторжения в их душу каких-то бесплотных существ. Он призвал медиков учитывать это в процессе излечения таких людей.

Доктор М. Скот Пек, который отзывается о самом себе как об «упрямом ученом», выпускник Гарвардского университета и психиатр, практикующий в штате Коннектикут, заявил, что двое из его пациентов, помимо ярко выраженных симптомов множественной личности, страдали от одержимости духами. В обоих случаях, как обнаружил Пек, это были злые духи, активно разрушавшие сознание его пациентов [3].

Психиатры называют психическое расстройство, при котором человек верит в то, что в него или в его близких вселился дьявол, какодемономанией.

Какодемономания – одно из давно известных психических расстройств и имеет чрезвычайно широкое распространение.

В 1923 г. Фрейд назвал какодемономию неврозом, при котором человек сам создает себе демонов. Демоны, по его мнению, – результат подавления желаний.

Экзорцизм также известен в Исламе под названием изгнание джинна, обряд весьма схож с христианским.

В иудаизме существует традиция изгнания диббука. Диббук – душа преступника или нечестивца, которая не может покинуть Землю и вынуждена вселяться в другого человека. Изгнание диббука проводится цади́ком (авторитетным раввином) в присутствии миньяна (10 совершеннолетних евреев-мужчин).

Согласно христианским представлениям, признаки одержимостью бесами таковы: агрессивность, ругательства и проклятия в адрес христианской церкви, святых и т. п., судороги, эпилептические припадки. Признаки психических болезней: странное поведение, галлюцинации и т. п. Одержимые говорят от лица тех, кем они одержимы. Беспокойство при чтении кем-то молитв, совершении религиозных обрядов и т. п. Непереносимость воды, особенно святой. Обнаружение способностей к левитации, телекинезу, телепортации и т. п. Появление возможности разговаривать на неизвестных человеку языках (явление ксеноглоссии). Навязчивые мысли о самоубийстве / убийстве [1].

В наше время одержимость перестала быть редкостью, количество духовных болезней растет в арифметической прогрессии. Священник Родион говорил, что демоны входят во внутренность человеческого тела всем газообразным существом своим подобно тому, как входит в него воздух. Астральная сущность (демон, бес, дух и т. д.), войдя в человека, не смешивается с его душой, но пребывает в теле, обладая тем самым насильственно душой и телом человека.

Вселение астральной сущности в человека не всегда происходит ощутимо и зачастую проявляется не сразу. Есть вселение духа скрытое, т. е. власть духа над умом помимо тела, когда бесы водят мысли, как хотят, через страсти (искушения, похоть, грехи).

Иногда одержимый начинает явственно ощущать внутри себя постороннее инородное «нечто», слышит внутри голос, который начинает подавлять его волю и претендует на свое лидерство в управлении физическим телом. Часто через человека бесы говорят, лают, воют, шипят, ругаются матом. Сознание человека в такие моменты чаще всего отключается, и несчастный не знает, что вытворяет «его» бес. В других случаях человек осознает себя во время припадков, слышит, как в нем бес кричит, но ничего поделать не может. У некоторых людей меняется не только голос, но и глаза, взгляд.

Духи постоянно испытывают острый энергетический голод. Человечеству опасно недооценивать этих могущественных космических астральных существ, а тем более их хозяина – Гагтунгра (дьявола).

Одержимость или духовная болезнь часто выявляется, когда человек подходит к Святым мощам, Чудотворной иконе, когда его кропят Святой водой и помазывают Святым елеем, но особенно это проявляется во время чтения специальных заклинательных молитв на изгнание злого духа (экзорцизм), которые всегда читаются в Святом намеленном месте, обычно в монастыре [9].

В психологии возможно рассмотреть феномен «одержимости» с точки зрения внушения, для этого мы обращаемся к работе Узнадзе.

Узнадзе пишет, что если считать установку интегрирующим звеном психической жизни, то тогда роль свойства берет на себя один из ее видов – фиксированные установки, создающие личность человека. Смысл мотивации состоит именно в том, что человек ищет и находит такие действия, которые соответствуют основной, упроченной в жизни установке личности. Создание мотива предполагает создание соответствующей поведению установки. Однако содержание такой установки зависит от потребностей личности и, в особенности, от арсенала фиксированных в прошлом установок большого личностного веса. Созданная в нравственно-смысловой ситуации установка легко включается с помощью воли в систему диспозиционных установок и потребностей. Поведение же развертывается в соответствии с такой установкой. Таким образом, фиксированные установки большого личностного веса являются основой, определяющей то, какое решение примет личность, к каким потребностям человек обратится, чтобы в соответствии с нравственно-смысловой ситуацией создать установку и сделать ее актуальной для личности. Образ Я, который включает наиболее сокровенные для личности ценности, опирается на установки, выработанные у личности в процессе накопления жизненного опыта, воспитания и воздействия социальной среды. Они представляют собой фиксированные установки большого личностного веса. Чем больше сознательный идеал Я опирается на такие фиксированные установки и чем целостнее личность, тем сильнее контролируются волей все входящие в личность

компоненты. Это положение дает возможность связать указанную особенность установок с понятием индивидуации у К.Г. Юнга, самоактуализации у А. Маслоу и др. Суть этого процесса состоит в максимально полной, завершенной дифференциации и гармоничном сочетании всех аспектов личности, ее сознательных и бессознательных компонентов. По сути, об этом же говорит и Узнадзе: на уровне объективации перед субъектом встают проблемы, решение которых требует выбора (на сознательном уровне) такого действия, которое не только соответствует требованиям среды и собственным целям, но и согласуется с фиксированными установками большого личностного веса [8].

Н.А. Савченко в своей работе пишет о том, что в настоящий момент в науке можно выделить два подхода к пониманию сущности смысловой установки: 1) как формы выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенной деятельности в целом (А.Г. Асмолов, 2002); 2) как одной из составляющих исполнительных механизмов деятельности (Д.А. Леонтьев, 2003). Данные подходы раскрывают различные аспекты функционирования установки. Смысловую установку можно рассматривать не просто как ситуативный фактор и не только как структуру, регулирующую актуальную деятельность, но как структуру, которая обладает возможностью выходить из контекста актуальной деятельности и оказывать влияние на целостное развитие личности, выступая одним из его факторов. Данный факт важен в юношеском возрасте, когда осуществляется активное становление смысловой сферы личности. Смысловые установки, будучи регуляторными структурами личности, являются одним из факторов успешного становления профессионала. Неадекватные установки могут оказать существенное негативное влияние на дальнейшее профессиональное становление личности [11].

На сегодняшний день в Чеченской республике остро стоит вопрос «одержимостью бесами» людей и вселению духов (злых и/или добрых). Данная тема муссируется в обществе и имеет место трансляции в местных СМИ и Интернете. Также в г. Грозный (ЧР) создан центр Исламской медицины по изгнанию духов и лечению с помощью методов Исламской медицины.

На основании такой ситуации в республике возникает необходимость изучения данного явления и влияния происходящего на индивидуальное восприятие и психологическое состояние молодежи.

Рассмотрев теоретические аспекты вопроса в соответствии нашей гипотезой, мы провели исследование с использованием методов анкетирования и тестирования студентов Чеченского государственного университета 3–4-х курсов очного отделения.

Анкета состояла из 24 вопросов, третья часть из которых были проверочными, т. к., учитывая болезненную остроту и табуированность вопроса, испытуемые испытывали психологический страх, давая ответы на вопросы анкеты и старались увиливать от прямых вопросов, расценивая их неприемлемыми, а ответы на них небезопасными для здоровья. В исследовании приняли участие 100 девушек и 96 юношей.

Анализ проведенного анкетирования показал, что из 100 опрошенных девушек 62 верят в существование потусторонних сил и одержимость бесами, 29 – сомневаются в возможности одержимости, а 10 девушек не верят в то, что феномен одержимостью бесами реален.

Так, анализ 96 анкет юношей показал, что 70 из 96 полностью согласны с существованием потусторонних сил и возможностью вселения в человека бесов, 23 из опрошенных сомневаются в такой возможности, а 3 человека категорически не верят.

Все опрошенные относят себя в этноконфессиональной группе к мусульманам, и исповедуют религию Ислам. Также, в основном, опрошенные считают свою семью религиозной. Особый интерес вызывают ответы на некоторые вопросы анкеты, такие как: «Реально ли то, что каждый человек подвержен вселению духов?», «Считаете ли Вы, что подвержены вселению злых духов?», «Верите Вы в одержимость людей дьяволом?», «Стоит ли бояться бесов?», «Может ли быть бес у верующего?». В ответах на эти вопросы мы встречали противоречия, которые позволяют делать вывод о том, что данная тематика является лично табуированной. Так как, по их мнению, свободное и открытое обсуждение данной темы может повлечь за собой плохие последствия в виде одержимости.

Также мы провели тестирование этого же контингента с помощью 4 методик: «Методика измерения уровня тревожности Тейлора», «Опросник Шмишека», «Методика Айзенка по определению темперамента», «Методика Роттера по выявлению локуса контроля» с целью выявления их личностных и индивидуальных особенностей для определения возможности негативного воздействия на них информации связанной с феноменом одержимости.

Предварительные данные обработанных методик показывают, что подавляющее большинство респондентов обладают холерическим и меланхолическим типом темперамента, экстернальным локусом контроля, повышенной тревожностью, демонстративным, эмотивным, экзальтированным, циклотимным типом акцентуаций характера.

Необходимо отметить то, что на стадии усвоения нравственных норм через систему личностных ценностей человек, используя все механизмы порождения смыслов, приходит к «полаганию» смыслов – когда смысл постигаемого содержания раскрывается через особый экзистенциальный акт, в котором субъект своим сознательным и ответственным решением устанавливает значимость чего-либо в своей жизни [2].

Таким образом, чем выше уровень развития смысловой сферы, тем меньше предрасположенность к фанатичным и одержимым формам поведения.

Для противостояния в студенческой среде деструктивным формам поведения возникает необходимость превентивных мер и мер профилактики, направленных на развитие смысловой сферы, как студенческой возрастной категории, так и учащихся старших классов общеобразовательных школ.

Литература

1. 12 фактов об одержимости и экзорцизме. – URL: http://rpnkk.ru/poznovatelnye/289-12_faktov_ob_oderzhimosti_i_ekzorcizme_.html (дата посещения 07.07.2012).
2. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Савин В.А. Диалог культур как смысло-технология формирования установок толерантного сознания и поведения студентов вуза // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 46–59.
3. Адонаи К. Одержимость. – URL: http://adonay-forum.com/oderzhanie_podselenie/oderzhimost/ (дата посещения 07.07.2012).
4. Архив проекта «Практическая черная магия». – URL: <http://www.blackwarlock.com/t832-topic> (дата посещения 07.07.2012).
5. Классификация психических расстройств МКБ-10. Клинические описания и диагностические указания. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/490/word/f44-3-trans-i-oderzhimost> (дата посещения 07.07.2012).
6. Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2003.
7. Одержимость // Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Одержимость> (дата посещения 07.07.2012).
8. Немировский К. Экзистенциальная исполненность личности и ее связь с типами религиозных установок. – URL: <http://www.way-out.ru/nemir-diploma.php> (дата посещения 11.07.13.)
9. Одержимость (беснование) – болезнь века! – URL: <http://celitel.kiev.ua/index.php/artikles/2-oderzhimost-bolesnveka> (дата посещения 08.07.2012).
10. Романов А.В. Философский анализ веры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991.
11. Савченко Н.А., Абакумова И.В. Смысловые установки как компонент профессиональных диспозиций студентов-психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.
12. Экзорцизм или изгнание демонов в 21 веке // газета «Умма». – 02.11.2006.
13. Emmons, Robert A; Palutzian, Raymond F. The psychology of religion // Annual Review of Psychology, 2003. – URL: <http://www.accessmylibrary.com/article-1G1-99113776/psychology-religion.html> (дата посещения 04.08.2013).
14. Freud S. (1917). A general introduction to psychoanalysis. (J. Riviere, Trans.). – New York: Liveright, 1963.
15. Jung C.G. (1938). Psychology and Religion The Terry Lectures. – New Haven: Yale University Press.
16. Maslow A. Religions, Values and Peak-experiences. – Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1964.

Колтунова Е.А.**Особенности диагностики символизации
у неслышащих старшеклассников**

Понятия-символы выполняют функцию, отличную от любого иного понятия, поскольку выступают в роли универсальных индикаторов, которые ориентируют познающего субъекта на значимости данного понятия как для определенной группы, так и для него лично. Интериоризация понятия-символа предполагает процесс «раскристаллизации» личностного смысла, потенциальным носителем которого является такое понятие. У неслышащих юношей и девушек формирование понятий-символов имеет свою специфику, т.к. процесс интериоризации знаково-символической составляющей языка у них определенным образом трансформирован в силу. Для выявления отличительных особенностей формирования понятий символов у неслышащих необходимо разработать специальную методику. Особенности диагностики символизации у неслышащих как раз и описаны в данной статье.

Ключевые слова: символ, символизация, смысловая сфера, генерализованные смыслы, смыслообразование, смысловые центрации.

Символ является важной составляющей современного сознания, как на личностном, так и на групповом уровнях. Возникновение символов имеет длительную эволюционную историю в процессе культурного становления человечества. Этимологически понятие символа связано с греческим глаголом «соединять», «сталкивать», «сравнивать». Отражая общую логику формирования понятийной системы, функция символа вначале отождествлялась с предметно-образным компонентом психосемантической реальности, и в ее основе лежало эмпирическое обобщение. Предметы и отчужденные от них образы становились объектом поклонения (предметы поклонения, тотемы), возникали определенные действия-ритуалы, связанные со спецификой их использования. Однако по мере развития абстрактно-обобщающих значений (в результате перехода от эмпирического к теоретическому обобщению) и их фиксации на уровне устойчивых понятий на надличностном уровне в различных формах общественного сознания функция символа значительно расширилась. Возникли целые направления в познании окружающего мира, которые теперь уже не нуждались в образном наполнении, а возникали на уровне абстракции (отчуждения и обобщения) свойств от ранее созданного абстрактного значения. Так возникли математические науки, вся содержательная компонента которых есть всецело символическая система.

По мере развития гуманитарной составляющей в становлении общественных форм сознания и в этой области человеческого развития возникла необходимость в символизации. Символизация – процесс создания на абстрактно-обобщенном уровне понятий-символов, которые не просто являются знаком-аналогом, замещающим определенный предмет или явление, а концентрируют в обобщенной форме

значимость их специфических свойств как «сверхважных» или «сверхреальных». Понятия-символы имеют функцию, отличную от любого иного понятия, поскольку они не просто являются носителями определенных значений, а выступают в роли индикатора, ориентирующего субъекта на значимости того контекста, который должен быть не просто воспринят, а нуждается в осмыслении и определенной интерпретации. Не следует смешивать символ и знак. Знак только обозначает известный предмет, его функция служебная. Символ же обладает самоценностью, он есть органический элемент психической и духовной жизни. Можно предположить, что символ выступает в роле центрации по отношению к понятиям менее обобщенным, становится своеобразным эпицентром, который определенным образом влияет на понимание всего содержательного контента. Понятия-символы концентрируют в себе такие черты, как универсальность, глубину, уровень оценки события как компонента общественного сознания, отличающегося особой значимостью. Употребляя их в устном или письменном изложении своих мыслей, рассказчик апеллирует не к единичному событию или факту, а подчеркивает масштабность предмета осмысления. Если мы говорим: Отечественная война, диктатура, Холокост и т. д., то даже без обращения к конкретным историческим примерам выделяется оценочный компонент данного понятия. Это универсальный процесс, поскольку каждый представитель определенной культурной эпохи воспринимает значение данного понятия не только как совокупность определенным образом обобщенных свойств, но и как то, что уже содержит в себе маркировку на позитивное или негативное.

Понятия-символы имеют существенное значение для развития личностных особенностей и в то же время сама символизация является во многом производной от общего уровня развития смысловой сферы личности, от степени зрелости ее различных смысловых образований (личностных смыслов, смысловых установок, мотивации, способности к интегральной смысловой саморегуляции). Это позволило сделать вывод о том, что исследования особенностей смысловой сферы позволит расширить понимание специфики символизации, в выявление различных характеристик символизации, даст возможность дополнить понимания механизмов смыслообразования. Следуя данной посылке и исходя из общей логики исследования, далее были подробно рассмотрены особенности развития смысловой сферы личности в период юности, поскольку именно на этом этапе развития происходит не просто «проникновение культуры в индивидуальное сознание» [7, с. 4], но и проявляется способность к формированию устойчивых ценностей и, как следствие, интенция к вторичной символизации, в результате которой индивидуальное сознание обогащается понятиями-символами, которые, как уже было выделено, выступают в роли индикатора, ориентирующего субъекта на значимость того контекста, который должен быть не просто воспринят, а нуждается в осмыслении и определенной ценностной интерпретации воспринимающего субъекта. При формировании таких понятий-символов на уровне индивидуального сознания происходит не просто обобщение (эмпирическое или теоретическое), но

и формирование так называемых генерализованных смыслов как своеобразной точкой личностного означивания. Структурирование смыслов происходит вокруг смыслового ядра, которое составляют генерализованные смыслы личности. Она становится достаточно устойчивой в своих жизненных пристрастиях и ценностных приоритетах.

Генерализованные смыслы на уровне индивидуального сознания позволяют дифференцированность личностных смыслов от социальных содержаний и от смыслов других людей, позволяют личности сохранять свою направленность, «не растворяясь» в окружающем смысловом пространстве [4]. Генерализованные смыслы во многом позволяют преодолеть (или отойти от) стереотипов оценивания, которые навязываются окружающей реальностью, поскольку стереотип как некий укоренившийся в общественном сознании стандарт однообразного, однотипного, подражательного мышления имеет особенность отражаться во всех формах жизни общества и навязывать определенные стратегии оценок и отношений. На определенном этапе такая опора на групповое мнение необходима любому человеку, поскольку первоначальная «разметка окружающей действительности» в процессе развития и постижения нового смещается, а своего жизненного опыта и уровня развития мыслительного инструментария пока недостаточно для выполнения «генеральной психологической разметки действительности». Общекультурные смыслы не отторгаются, а вплетаются в ткань смысловой сферы личности. Это необходимо для дестереотипизации как «смещения познавательного-личностных усилий на собственную смысловую сферу, что связано с такими моментами динамики смыслообразования, как сшибка и иерархизация мотивов, решение задачи на смысл, личностные выборы, личностный конфликт» [5, с. 99].

Особый интерес процесс генерализации смыслов и формирования на их основе понятий-символов вызывают исследования тех, у кого процесс формирования понятийной системы деформирован определенной физиологической спецификой – неслышащих старшеклассников. Именно они и стали объектом настоящего исследования.

На начальном этапе проведения данной работы были выделены те характеристики, которые, уже будучи исследованы в рамках других исследовательских контекстах, могут влиять на особенности символизации в период юности у неслышащих. Смысловая сфера неслышащего старшеклассника, обучающегося в интернате для глухих и слабослышащих, отличается от смысловой сферы старшеклассника с нормальным слухом низким уровнем развития, упрощенной, свернутой структурой смысловой регуляции жизнедеятельности; сужением смысловой перспективы; направленностью на сохранение привычного уклада жизни, подчинение нормам, стереотипам, на ближайшее окружение, семью; ощущением оторванности от социума; потребительскими, рентными установками; стереотипностью смысловой сферы; низкодифференцированными представлениями о системе человеческих отношений, основанными на референтных стереотипах сознания внешнего характера.

В ряде работ [6] было выделено, что несмотря на наличие содержательных различий, существует значительное сходство линии развития смысловой сферы старшекласников с нарушенным и нормальным слухом, при этом те же этапы неслышащие проходят в более старшем возрасте, чем слышащие. В результате анализа литературы нами был сделан вывод о том, что неслышащие юноши и девушки имеют следующие особенности смысловой сферы: запаздывание формирования всех образований личности и смысловой сферы, в том числе, относительно слышащей группы сверстников; слабо развитая эмпатия, полярные установки в отношении личностных качеств других людей, высокая внушаемость.

При этом нами не были выявлены исследования специфики символизации у неслышащих.

Вычлененные показатели генерализации смыслов и уровни смыслового развития обучаемых, а также анализ основных личностных различий неслышащих и слышащих обучаемых, позволили перейти к следующему этапу данного исследования.

Второй этап данного исследования – *диагностический*. Специфика диагностики была ориентирована на познавательные особенности неслышащих, поскольку нашими испытуемыми являлись, в первую очередь, именно они. Экспериментальная группа состояла из 68 неслышащих старшекласников (32 юноши, 36 девушек), которые обучаются в специализированных учебных заведениях. В качестве контрольных были выбраны группы слышащих старшекласников из общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону (54 обучаемых, из них 25 юношей, 29 девушек) и группа старшекласников, победителей конкурсов ДАНЮИ (2012 г.) по гуманитарным наукам (23 старшекласника, из них 11 юношей и 12 девушек). Все испытуемые контрольных групп были в возрасте от 16 до 18 лет.

Наличие контрольных групп в рамках данного этапа исследования обусловлено следующим:

- в настоящее время в рамках психологии развития и возрастной психологии нет описанных эталонных характеристик, специфических для процесса символизации, и следовательно, для выявления специфики символизации у неслышащих необходимо выявить средние показатели по данным характеристикам у слышащих обучаемых;
- методики для выявления особенностей генерализации смыслов как основы символизации ориентированы на смысловые особенности слышащих старшекласников и, следовательно, для выявления специфики этих процессов у неслышащих необходимо сравнивать результаты диагностики с традиционными стандартами.
- Был проанализирован современный «арсенал» психометрических и проективных методик, выявляющих сопряженные смысловым факторам характеристики личностного развития с точки зрения целесообразности и возможности их использования при обследовании неслышащих и слышащих старшекласников в процессе выявления особенностей символизации. Предварительная

диагностика неслышащих реципиентов показала, что наиболее известный тест на выявление особенностей символизации – «Тест апперцепции символов» («ТАС») (Н.Л. Нагибина, А.П. Афанасьева, 1999), который выявляет иерархию ценностей человека, позволяет сравнить современные интерпретации символов с их мифологическими аналогами и, вскрывая личностные смыслы, оценивает семантические структуры личности, в контексте и логике данного исследования не может быть использован, в силу сложности в логической последовательности выполнения предъявляемых испытуемому заданий. Неслышащие старшеклассники не обладали познавательным ресурсом, который бы позволил им ликвидно выполнить задания, предложенные в рамках данного теста.

По мнению авторов, работавших с неслышащими и диагностирующими у них специфику развития смысловой сферы [5], для данной категории испытуемых должны быть предложены специфические требования. В целом могут быть предъявлены следующие требования, к организации тестирования не слышащих в юношеском возрасте.

1. Методы должны быть максимально невербальными, как можно меньше требующими использования письменного, устного, жестового языков.
2. Для лучшего понимания инструкции необходимо использовать предварительное задание, относительно более легкое, но по существу такое же, как основное.
3. Необходимо стремиться к тому, чтобы результат выполнения заданий наиболее полно выражался вовне и чтобы были объективно наблюдаемые промежуточные стадии решения заданий.
4. Необходимо обеспечить адекватное понимание инструкции, чего можно достичь различными способами: использованием жестовой речи, наглядностью, показом (при этом необходимо обращать особое внимание на то, чтобы в них не содержалось подсказки), повторением инструкции в разных вариантах, чтобы убедиться в том, что испытуемый понял предъявляемое ему задание.
5. Необходимо учитывать возможное влияние исследователя, т. к. глухие более внушаемы, чем слышащие.
6. При анализе «арсенала» современных психометрических и проективных методик, применяемых в прикладных психологических исследованиях для выявления особенностей смысловой сферы и получения интегрированных характеристик личностных образований в период юношеского возраста у неслышащих, мы руководствовались, кроме указанных выше требований, следующими положениями:

–методика по возможности не должна быть громоздкой, утомляющей респондентов;

–методика должна быть понятной, состоять из известных респондентам слов, учитывая уровень речевой компетентности неслышащих учащихся;

- методики должны взаимно дополнять друг друга в раскрытии исследуемых качеств;
- методики должны дать информацию, позволяющую подтвердить или опровергнуть гипотезы исследования.

Данные положения позволили выбрать наиболее целесообразные методики, которые возможно использовать при диагностике неслышащих, разработать авторскую проективную методику как совокупность стимульного материала в виде карточек-символов, адаптированного для работы с неслышащими старшеклассниками.

Третий этап исследования – обобщающий. На данном этапе был проведен анализ полученных эмпирических результатов, выявлена специфика символизации у неслышащих юношей и девушек с разным уровнем развития смысловой сферы. Проведенный теоретический и эмпирический анализ, позволил выявить следующее:

- проективная методика, ориентированная на интерпретацию понятий-символов, позволяет выявить особенности и различия ценностно-смыслового развития у слышащих и неслышащих юношей и девушек;
- процесс символизации у неслышащих и слышащих отличается по формальным (количество используемых понятий-символов), содержательным (особенности интерпретации символа) и динамическим характеристикам (мотивационная специфика использования символов);
- неслышащие старшеклассники (73 %) при использовании понятий-символов в основном ориентированы на «символы-свойства» (символизируется отдельный признак предмета, например форма или цвет) или «символы-композиции» (обобщение ряда свойств в единый устойчивый образ, например, архитектурные сооружения, такие, как: Египетские пирамиды, Коллизей и т. д.), лишь два неслышащих участника исследования показали возможности использовать «символы-метафоры», когда в качестве символа выступает скрытое свойство объекта, порождающее смысловые инициации;
- диагностика процесса символизации неслышащих старшеклассников позволила выявить у них ряд специфических особенностей в развитии ценностно-смысловой сферы на этапе юности;
- неслышащие старшеклассники испытывают сложности в процессе генерализации смыслов, их генерализованные смыслы ориентированы на эгоцентриции. При таком типе доминантной центрации в качестве генерализованных могут рассматриваться лишь прагматические, операциональные, ситуационные смыслы, определяемые предметной логикой достижения цели в данной конкретной ситуации. Такие смыслы не являются личностными, они привязаны к ситуации, выполняют служебную регулятивную роль в ее осознании. По мнению И.В. Абакумовой, «индивида с данным уровнем развития смысловой сферы характеризует заикленность на “вещном мире”. Личностного означивания в данной ситуации не происходит» [1, с. 47]. Неслышащие старшеклассники

испытывают сложности в понимании межличностных форм смысла как основы формирования понятийно-символического ряда. Просоциальные центрации у них зачастую редуцированы (ограничиваются лишь очень узким кругом людей с которыми они непосредственно взаимодействуют);

– полученные диагностические данные свидетельствуют о том, что посредством развития понятийно-символического ряда у неслышащих старшеклассников возможно инициировать развитие их личностно-смысловой сферы.

Литература

1. Абакумова И.В, Смыслодидактика. Учебник для магистров педагогики и психологии. Издание второе, дополненное. – М.: КРЕДО, 2011. – 449 с.
2. Афанасьева А. Символ как средство понимания картины мира личности // Проблемы формирования и развития личности в современных условиях: материалы 4 и 5 психологических чтений студентов. «Научные труды МНЭПУ». Вып. 7. Серия «Работы молодых ученых и студентов». – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. – С. 6–8.
3. Афанасьева А. Символ как стимульный материал проективных методик // Личность и ее становление в современных общественных отношениях. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. – С. 3–6.
4. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – С. 34–49.
5. Бурлачук Л.Ф., Морозов СМ. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2000. – 528 с.
6. Маслова Ю.А. Особенности смысловой сферы старшеклассников в условиях интерната для глухих и слабослышащих: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.
7. Фризен М.А. Особенности развития смысловой сферы подростков: дис.... канд. психол. наук. – М., 2005.
8. The Interpretation of Psychological Tests / Ed. by J. Altison, S.J. Blatt, C.N. Zimet. – Washington: Hemisphere, 1988. – P. 38–44.
9. Thomas L. Learning and meaning // Personal construct psychology 1977 / F. Fransella (Ed.). – London etc.: Academic press, 1978. – P. 47–57.
10. Royce J.R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes, Englewood Cliffs (NJ.): Prentice-Hall, 1983. – 304 p.

Лунин С.Л.

Психологические особенности мужчин, находящихся в ситуации временной трудовой миграции: специфика ЮФО

В данной статье дано определение трудовой миграции как социально-психологической категории, приводятся данные эмпирического исследования по выявлению особенностей психологической адаптации мужчин-трудовых мигрантов, работающих в ЮФО более 1 года и имеющих различную этноконфессиональную принадлежность.

Ключевые слова: мигранты, беженцы, переселенцы, адаптация, ассимиляция, интеграция, ценностно-смысловые установки.

Этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) «трудной работы понимания и принятия, как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и понимания этнических основ собственного существования» [7, с. 5]. Массовость и напряженность современных этнических миграций породила потребность в знании психологических законов, которым подчиняется миграционное поведение. Особый раздел проблем в контексте этнической миграции связан с появлением и расширением трудовой миграции, поскольку данный вид мигрантов имеет свои отличительные особенности и специфические характеристики.

Успешность или неуспешность адаптации мигрантов будет определяться внутренней, мотивационной структурой личности, зависеть от иерархии мотивов личности, которые побуждают ее к миграции и впоследствии, очевидно, будут определять выбор и реализацию ею соответствующей стратегии поведения. В качестве основных показателей успешности социокультурной адаптации мигрантов можно выделить следующие:

- установление позитивных связей с новой средой,
- решение ежедневных житейских проблем,
- участие в социальной и культурной жизни принимающего общества,
- удовлетворенное психическое состояние и физическое здоровье,
- адекватность в общении и в межкультурных отношениях,
- целостность и интегрированность личности.

В контексте проблемы миграции личностные смыслы выделяются в качестве детерминанты адаптационной толерантности и адаптационных возможностей, что позволяет анализировать проблему адаптации мигрантов в контексте ценностно-смысловой теории. Теория ценности ожиданий, которая утверждает, что адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию, в современной психологии получает все большее распространение. Под личностными смыслами в данном контексте мы понимаем «интегрированное смысловое образование, отражающее действительное субъективное отношение личности

к целям, мотивам, способам и приемам деятельности и проявляющимся в неосознанном или осознанном (вербализованом) эмоциональном непосредственном переживании» [6, с. 60].

Сочетание побудительного компонента к жизнедеятельности в новых условиях в виде личностного смысла и адаптационных способностей личности как раз и образуют адаптационные возможности человека. Под адаптационными возможностями мы понимаем «условия, необходимые для успешной реализации адаптационного потенциала личности, основанного на степени выраженности в ее структуре адаптационных способностей (адаптивности) и состоящие в актуализации позитивно направленного на цели и задачи деятельности в заданных измененных условиях существования личностного смысла данной деятельности» [там же, с. 60]. Таким образом, успешность адаптации личности как с точки зрения ее переадаптации к новым культурным условиям жизнедеятельности, характеризующимся психогенным влиянием, так и с точки зрения принятия ею целей и задач жизни в данных условиях возможна лишь при рассмотрении двух этих сторон единого адаптационного процесса в тесной взаимосвязи.

Анализ психологических проблем и психических расстройств вынужденных мигрантов показывает, что они носят комплексный характер, затрагивая все основные сферы личности: эмоциональную, когнитивную, поведенческую, мотивационно-потребностную, коммуникативную.

Нарушения в эмоциональной сфере вынужденных мигрантов очевидны и разнообразны – от безразличия, подавленности, потери интереса к жизни, заторможенности, переходящей в апатию и депрессию, до раздражительности, агрессивности, неконтролируемых вспышек гнева. Усиливается тревожность, повышается возбудимость, возникают перепады настроения, фобические реакции [3]. У подавляющего числа мигрантов встречаются серьезные расстройства сна. Зарубежные клинические данные свидетельствуют о том, что часто проявляется депрессия, которая приводит к тому, что эта категория людей оказывается в зоне повышенного суицидального риска.

В мотивационной сфере изменение иерархии потребностей и ценностных ориентации приводит к снижению уровня притязаний и резкому падению самооценки, тяжело переживается невозможность удовлетворения потребностей как высших, так и низших уровней. Фрустрация потребностей приводит к актуализации различного рода защитных механизмов, одним из которых может быть увеличение агрессивности. Уровень агрессивности, помимо личностной предрасположенности, определяется социальными условиями и обстоятельствами. Исследования показали, что «общий уровень агрессивности у вынужденных переселенцев повышен по сравнению с беженцами» [3, с. 3]. Наличие избыточной агрессивной энергии определяет адаптацию вынужденных переселенцев по активному типу. То есть они не пассивные лишенцы, они не производят впечатление несчастных людей. Их агрессивная энергия имеет, прежде всего, созидательно-действенный характер. Такие люди готовы реализовывать свои планы, готовы работать и строить свою жизнь заново [2].

Аффективным и мотивационным проблемам вынужденных мигрантов сопутствуют нарушения в когнитивной сфере: отмечаются случаи расстройства всех основных познавательных процессов – нарушения памяти (амнезия, конфабуляция, сложности запоминания), рассеянность внимания, отвлекаемость, нарушения восприятия, расстройства мышления (соскальзывание, чрезмерная обстоятельность).

Серьезные проблемы обнаруживаются в области межличностного общения, как в супружеских отношениях и отношениях с детьми, так и в сфере взаимодействия с представителями собственной и другой культуры [5].

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют, что серьезное ухудшение психического здоровья мигрантов связано не только с интенсивностью отдельных негативных событий, но и с их количеством. Вынужденный отъезд и жизнь в чужой культуре почти всегда включают события разной степени экстремальности в количестве, достаточном для того, чтобы вызвать физиологический и психологический стресс [4].

Стратегии адаптации мигрантов в психологической литературе описываются по-разному. Наиболее распространенной и адекватной моделью адаптации групп к иной культуре является теория аккультурации Дж. Берри.

Согласно данной теории, аккультурация представляет собой сложный и далеко не бесконфликтный процесс межкультурного взаимодействия. Взаимодействие выделенных Дж. Берри двух факторов – поддержания культуры и участия в межкультурных контактах, – определяет четыре основные стратегии аккультурации (или адаптации):

- ассимиляция – мигрант начинает подстраиваться под позитивные стереотипы, позиционируемые данной культурой, при этом он может и не разделять данных ценностей и ориентаций в поведении;
- сепарация – мигрант не стремится к экспансивному поведению (расширению жизненного пространства в контекст новой культуры), старается заручиться поддержкой определенной этноконфессиональной группы, с которой себя идентифицирует;
- маргинализация – мигрант начинает вести себя в соответствии с ценностями определенной маргинальной группы (зачастую, противопоставляющей себя обществу и закону);
- интеграция – личностная трансформация, позволяющая мигранту воспринимать ценности данной культуры как свои собственные.

Интеграция является наиболее успешной стратегией адаптации в новой культуре, т. к. предполагает освоение и овладение навыками этой культуры до достижения полной социальной адекватности в ней. Причем, подчеркнем, приобретение знаний о новой культуре предполагает не разрыв с собственной культурой в пользу ценностей другого народа, а сохранение также своей культурной индивидуальности. В социально-психологическом плане это наиболее позитивный вид межкультурного взаимодействия, т. к. представители разных культур стремятся преодолеть межкультурный барьер, понять и принять другое

видение мира, и признается право личности на культурное своеобразие и равные возможности существования. Обретение переселенцами или трудовыми мигрантами позитивной групповой определенности в новой социокультурной среде будет идти по пути идентификации себя со своим (русским) этносом, сохранения позитивного отношения к представителям своей группы (мигранты из ближнего зарубежья) и формирования позитивного отношения к представителям принимающей группы (коренные жители России). Движение по пути приобретения новой позитивной (общей с коренными жителями) идентичности, адекватной изменившимся социально-культурным, экономическим и политическим условиям жизни в российском обществе невозможно без установления контактов с местным населением принимающих территорий. Поэтому стремление к установлению самых широких взаимоотношений с новым социальным окружением является необходимым условием или фактором успешности адаптации.

Другое психологическое понятие, которое требует своего осмысления – это психологическая аккультурация. Термин «психологическая аккультурация» был предложен Т. Грейвсом с целью обозначения изменений, возникающих в индивидуальном опыте в результате культурных контактов. В настоящее время выделяют два уровня аккультурации: собственно аккультурация, под которой понимают процесс изменения в культуре группы, и психологическая аккультурация – процесс изменения в психологии индивида. Процесс изменения в психологии индивида в связи с переселением в новую социокультурную и этническую среду требует проведения специальных психологических исследований, посвященных поиску закономерностей и механизмов социокультурной адаптации, поскольку, как известно, это процесс, протекающий весьма болезненно, т. к. он связан не только с глубокими личностными изменениями, но также затрагивает (часто весьма негативно) этническую идентичность.

В литературе по адаптации переселенцев и трудовых мигрантов принято выделять специфические характеристики или особенности взаимодействующих культур. Среди влияющих на адаптацию характеристик взаимодействующих культур обычно выделяют следующие.

1. Степень сходства или различия между культурами. Для оценки степени сходства культур используются различные индексы культурной дистанции, в которые обычно включают язык, религию, структуру семьи, климат, пищу и одежду. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что степень выраженности «культурного шока» положительно коррелирует с культурной дистанцией.
2. Особенности культуры, к которой принадлежит переселенец. Так, имеются данные (например, статистика самоубийств иностранцев во Франции), что с большими трудностями в процессе адаптации сталкиваются японцы. Это можно объяснить характерной для японской культуры ритуализированностью поведения, сильным беспокойством японских «визитеров», что они ведут себя неправильно, т. к. не знают «кода поведения» в стране пребывания.

3. Особенности страны пребывания, прежде всего, способ, которым «хозяева» оказывают аккультурационное влияние на приезжих. Для плюралистических обществ характерна большая толерантность по отношению к культурному разнообразию, чем для монистических [7].

С целью выявления особенностей адаптационных характеристик у трудовых мигрантов разной этноконфессиональной принадлежности, работающих в ЮФО, было проведено диагностическое исследование. В качестве респондентов, были выбраны следующие группы трудовых мигрантов:

- мигранты, идентифицирующие себя как славяне, православные, из «ближнего» зарубежья (Украина, Белоруссия) в количестве 276 человек;
- мигранты, идентифицирующие себя как мусульмане из «ближнего» зарубежья (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан) в количестве 188 человек;
- мигранты, идентифицирующие себя как представители «восточной» культуры: буддисты, синтоисты, католики (Вьетнам, Китай, Лаос), в количестве 127 человек.

Все участники исследования (591 человек) были мужчинами в возрасте от 19 до 54 лет, работающие в ЮФО не менее 1 года и имеющие официальную регистрацию. Исследование включало следующие этапы:

1 этап – отбор участников эмпирической части исследования;

2 этап – проведение анкетирования с целью выявления особенностей осознания специфики адаптации к условиям жизни в новом культурном окружении;

3 этап – проведение диагностики с целью выявления уровней личностной тревожности, фрустрированности, социальной изолированности и локус-контроля респондентов;

4 этап – сравнительный анализ полученных диагностических результатов.

Анализ эмпирических данных, полученных в процессе анкетирования и диагностики, позволил выявить следующее:

- хотя по культурным традициям и общественным ценностям первая группа испытуемых (славяне) являются наиболее приближенными к принимающему населению ЮФО (более 70 % признают сходство культурных традиций), именно они в наибольшей степени испытывают дискомфорт от ситуации, в которой оказались. Они достаточно часто рассматривают свою жизненную ситуацию как приближенную к критической (27 % от количества респондентов в данной группе) и при малейшей возможности предполагают вернуться домой («если бы не полная безысходность, никогда бы не приехал сюда работать»). Многие культурные традиции принимающего населения воспринимаются ими враждебно, наблюдается эффект идеализации своей национально-территориальной группы (у нас люди добрее, наши женщины красивее и т. д.). Именно в этой группе респонденты больше всего высказывали недовольство тем, что вынуждены заниматься малоквалифицированным трудом, получать меньшую зарплату, чем коренное население («к нам относятся, как к людям второго сорта»). Основная адаптационная стратегия – ассимиляция;

- вторая группа (мусульмане из «ближнего» зарубежья) оценивают сложившуюся ситуацию как допустимую, но только на определенный временной период («вот наладится у нас все в стране, и мы сможем вернуться»; «вот помогу сейчас родителю дом построить и сразу уеду»). Они также констатируют определенную враждебность и отчужденность принимающего населения, однако их оценки носят более сдержанный характер, чем у славян («люди другие, у них другая жизнь, другие цели»). Наиболее болезненно воспринимаются конфессиональные разногласия («в России плохо относятся к мусульманам, мало мечетей, много пьют»). Однако на вопросы об альтернативных вариантах трудовой миграции («если бы у Вас была альтернатива, то в какой стране Вы бы хотели работать»), данные респонденты почти всегда выбирают немусульманские страны. Основная адаптационная стратегия – сепаратизм с элементами маргинализации;
- третья группа (представители «восточной» культуры) в целом к ситуации трудовой миграции относятся позитивно или нейтрально. Многие (более 60 % респондентов данной группы) расценивают этот период жизни как этап развития и постижения новых поведенческих норм и правил существования в обществе. Более 70 % позитивно оценивают целый ряд атрибутов культуры и традиций принимающего населения (традиции получить образование, культурная специфика: кинематограф, телевидение). Основная стратегия адаптации – сепаратизм. Очень зависимы от группы, с которой разделяют ситуацию трудовой миграции, испытывают наибольшие сложности в изучении языка.

Анализ анкеты позволил выявить, что на вопрос о том, чувствуют ли они себя адаптированными к новой культуре, в которой они в настоящий период живут и работают, 68 % вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности, считают себя неадаптированными или плохо адаптированным к новым условиям жизни и работы, 15 % считают себя хорошо адаптированными, 17 % затруднились дать однозначный ответ.

Психометрическая часть исследования позволила выявить, что ситуация социальной изоляции наиболее сильно проявляется у представителей второй группы. По этому показателю они оценивают себя как изолированные от населения принимающей стороны (64 %). Первая группа (славяне), несмотря на рефлексию отчужденности от коренного населения, по результатам психодиагностики показывает, что уровень социальной изоляции наблюдается менее чем у 17 % опрошенных. Третья группа показала средние результаты – 39 % респондентов считают себя изолированными от принимающего населения. Фрустрационные процессы и личностная тревожность повышена у представителей первой группы, которые при этом чувствуют себя неадаптированными к новым условиям жизни (на уровне $p \leq 0,01$; значимая прямая связь). Локус-контроль как показатель того, насколько жизненные успехи зависят от усилий самого человека, высокий у представителей 1-ой и 2-ой групп. Эти респонденты (84 % от суммарной выборки двух групп) считают, что их судьба во многом зависит от них самих. Несмотря на их несхожие

смыслоразностные установки, по данному параметру они демонстрируют очень схожие результаты. Третья группа респондентов в основном фаталисты. 72 % респондентов данной группы считают, что их судьба не зависит от их собственных усилий, а определяется более могущественными силами.

В целом проведенное исследование позволило сделать ряд выводов об особенностях психологического состояния мужчин-трудовых мигрантов, работающих в ЮФО:

- механизм психологической адаптации к трудовой деятельности в новых условиях действует в определенной содержательной последовательности, соответствующей этапам адаптации личности к новым условиям жизнедеятельности;
- содержание каждого этапа адаптационного процесса в ситуации трудовой миграции по своему значению для успешной реадаптации личности к новым условиям жизнедеятельности детерминируется индивидуально личностными особенностями, этноконфессиональной принадлежностью и внешними условиями протекания данных этапов;
- в целом, большинство трудовых мигрантов не чувствуют себя адаптированными к новым условиям жизни и работы, что становится существенным фактором, негативно влияющим на их психологическое состояние в данный период жизни;
- для преодоления адаптационных барьеров, которые возникают у трудовых мигрантов, необходимо разрабатывать и популяризировать технологии социального взаимодействия представителей разных культур, основанного на принципе диалогичности. «Диалогичность требует от общества и личности наличие установки на вступление в контакт, формирование толерантности как одного из ведущих личностных качеств, исключающего деструктивную конфликтность личности в ситуации связанной с иными социальными нормами: формирование готовности доверять, идти на компромисс» [1, с. 47].

Литература

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Савин В.А. Диалог культур как смысло-технология формирования установок толерантного сознания и поведения студентов вуза // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 46–59.
2. Абульханова-Славская К.А. Психологические и жизненные потери: к проблемам экологии человека // Психология личности в условиях социальных изменений. – М., 1993.
3. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–16.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. – М., 2001.
5. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. – М., 1993.

6. Солдатова Г.У., Шайгерова Л. Социокультурная адаптация и психологическое здоровье вынужденных мигрантов / в кн. Психологическая помощь мигрантам в России: исследования и практика. – М., 2003. – С. 14–54.
7. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Калинин В.К., Кравцова О.А. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культур, кризис идентичности. – М., 2002.
8. Соловьев И.В. Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия. Оказание психологической помощи и психореабилитация. – М., 2000.
9. Berry J.W., Poortinga Y.N., Segall M.N. & Dasen P.R. Cross-cultural psychology: research and application. – NY., 1990.
10. Furnham A., Bechner S. Culture Shock: Psychological reaction to unfamiliar environments. – L&N.Y., 1986.
11. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. – Beverly Hills, 1984.
12. Matsumoto D. Culture's and Psychology. – N.Y., 1996.
13. Rogers K. Toward a More Humanistic Science of the Person // Journal of Humanistic Psychology. – 1978. – no. 9. – P. 145–152.

Сведения о порядке подачи публикаций

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электр. виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т.д.)

Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

В рубрику «Молодые ученые» принимаются статьи аспирантов объемом 4-6 страниц без оплаты.

К статье прилагаются резюме объемом не более 0,5 стр. и ключевые слова, а также сведения об авторе (фамилия, имя и отчество, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, телефон, фотография в электронном формате TIF с разрешением не менее 300 dpi, либо фотокарточку размером не менее 10x15 см).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243,
Редакция журнала «Российский психологический журнал».
Тел. +7(863)243-15-17; факс +7(863)243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2013

ТОМ 10 № 3

Сдано в набор 09.09.13. Подписано в печать 23.09.13
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 11.23. Бумага офсетная. Гарнитура Муриад Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 15/13.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru